

ОПАСНЫЕ
ЛЮДИ
ТОЖЕ
ЛЮБЯТ.

ТЮРЬМА —
НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ
КЛЕТКА.

Я ВЛЮБИЛСЯ В ДЕМОНА, ПРИГОВОРЁННУЮ К СМЕРТИ

МРАЧНЫЙ ТРАГИЧЕСКИЙ РОМАН /
РОМАНТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ISACAT MEOW

18+

isacat meow

**Я влюбился в Демона,
приговорённую к смерти**

«Автор»

2026

meow i.

Я влюбился в Демона, приговорённую к смерти / i. meow —
«Автор», 2026

Её приговорили к смерти. Его давно уже ничем нельзя было удивить. Аурлин Верчили — единственная женщина в Грейвенхерсте, мужской тюрьме, куда обычно отправляют тех, кого общество предпочло бы больше никогда не видеть. За её спиной — преступная империя, сто семнадцать погибших и имя, которое в преступном мире произносят шёпотом: Демон. Она не просит о спасении. Не ищет оправдания. И не собирается бежать. Уэски Кам, известный среди заключённых как Китти, думает иначе. Бывший военный и наёмник, переживший предательство и семь неудачных побегов, он привык считать стены временной проблемой. Пока в Грейвенхерсте не появляется она. Между ними нет безопасного пути к любви. Есть тюрьма, преступный мир, старые долги, люди, готовые убивать ради власти, и женщина, которая давно решила, что ей незачем жить. Но чем ближе Уэски подходит к Демону, тем яснее становится одно: самое опасное в Грейвенхерсте — не решётки. Это чувство, от которого уже невозможно сбежать.

© meow i., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
Демон	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
К нам переводят женщину	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	14
Первая женщина	14
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	17
Аурлин Верчили	17
ГЛАВА ПЯТАЯ	19
Не трогай её	19
ГЛАВА ШЕСТАЯ	22
Держись от неё подальше	22
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	23
Дисциплинарное взыскание	23
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	24
Наташан	24
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	25
Ты заслуживаешь смерти больше, чем я	25
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	27
Полная изоляция	27
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	30
Молчание	30
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	32
Ей не от чего прятаться	32
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	33
Николь	33
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	34
Демона никто не трогает	34
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	35
Китти	35
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	37
Имя тебе подходит	37
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	38
Первые слова	38
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	39
Останься	39
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	42
Ночная вахта	42
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	44
Наблюдение	44
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	45
Благодарить не за что	45
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	47
Старое имя	47
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	49
Вторая проверка	49

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	50
Старый номер	50
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	52
Возвращение	52
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	55
Пропавшая страница	55
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	56
Мешок из прачечной	56
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	58
Нижняя дверь номер девять	58
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	60
Та книга	60
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ	63
Наблюдатель	63
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	66
Перевозка	66
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	70
Приказ	70
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	72
Тот обед	72
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	74
Я тебя ненавижу	74
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ	77
Не та дверь	77
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ	80
День досуга	80
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	83
Мат	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

isacat meow

Я влюбился в Демона, приговорённую к смерти

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Демон

В 4:13 утра Демона арестовали.

К рассвету все новостные редакции получили одно и то же официальное сообщение. Ни фотографий с места задержания, ни кадров перевозки заключённого не было; полиция не раскрыла ни имени, ни пола, ни каких-либо других данных, позволяющих установить личность. Подтвердили лишь одно: после многолетних поисков правоохранительных органов нескольких стран задержана крупная фигура преступного мира. Расследование носило особо чувствительный характер, поэтому на данном этапе никаких дополнительных подробностей сообщать не собирались. Когда сюжет вышел в утреннем эфире, за спиной ведущего даже не появилось фотографии. На экране была всего одна строка белыми буквами: ДЕМОН — АРЕСТОВАН.

За последние несколько лет это прозвище не раз всплывало в международных сводках о преступности. Кореган. Трансграничные наркотические сети. Отмывание денег. Убийства. Сделки на чёрном рынке. Стоило какому-нибудь расследованию зайти достаточно далеко, как рано или поздно в нём появлялся Демон. Власти отслеживали денежные потоки, перехватывали партии груза, арестовывали людей, работавших на это имя, но широкой публике так и не удалось увидеть того, кто за ним стоял. Не прошло и получаса после выпуска новостей, как в сети появились десятки версий. Одни утверждали, что Демону далеко за пятьдесят. Другие раскопали старые дела и заявляли, будто настоящий человек под этим именем умер много лет назад, а полиция задержала подставную фигуру, на которую теперь спишут всё.

В то же самое время в официальных материалах засекретили куда более масштабное обстоятельство. Всю ночь здание оставалось закрытым для прессы. Полиция не сообщила, кого именно оттуда вывезли, когда вошла внутрь, где находился объект и сколько тел было обнаружено. Там погибли сто семнадцать человек, и среди них было достаточно влиятельных людей, чтобы заставить соответствующие ведомства хранить молчание. На все требования журналистов дать объяснения следовал один и тот же ответ: расследование продолжается. Сколько бы вопросов ни задавали, формулировка не менялась.

Несколько месяцев спустя Демон снова появился в общенациональных новостях. Суд подтвердил смертный приговор, однако его исполнение приостановили до завершения предусмотренной законом процедуры пересмотра. Толпы репортёров с утра до ночи дежурили у здания суда и всё равно не смогли получить чёткий снимок машины, в которой перевозили осуждённого. Слухи о ста семнадцати погибших продолжали множиться; каждая новая версия противоречила предыдущей, а полиция не подтверждала ни одну. Достоверно было известно лишь два факта: Демон всё ещё жив, а процедура исполнения смертного приговора уже началась.

Пять месяцев спустя, в 6:07 утра, Уэски Кам перебрался через западную стену Грейвенхёрста.

Подошвы утонули во влажной грязи. Пригнувшись и двигаясь вдоль склона, он нырнул в заросли за внешним периметром. Сирена за спиной вышла на полную громкость на несколько секунд позже, чем он ожидал. Лучи прожекторов заскользили по внешней стороне стены, а издалека донёлся тяжёлый грохот открывающихся защитных дверей. Уэски не оглянулся. Общую схему маршрута он просчитал ещё до побега. Патрульной машине требовалось девять минут, чтобы сделать полный круг по периметру. Утренняя пересменка только что закончилась. Ещё вчера строительная техника пользовалась служебной дорогой на юго-востоке. Если он успеет пересечь её до того, как первые поисковые группы перекроют лес, дальше у него появится гораздо больше вариантов.

С самого начала он не бежал во весь дух. Привычки, оставшиеся со времён армии и работы наёмником, редко позволяли ему бездумно расходовать силы. Тело само знало, когда ускориться, когда пригнуться и что проверить, прежде чем проскользнуть между двумя деревьями, — зачастую раньше, чем это успевала оформить мысль. На третьей минуте над головой прошёл дрон. Уэски лёг в кустарник и дождался, пока его красный индикатор скроется за кронами, после чего продолжил двигаться на юг. На пятой минуте за спиной залаяли собаки. На восьмой он перелез через заброшенное проволочное ограждение. Острый край зацепил рукав; остановившись меньше чем на полсекунды, Уэски просто оторвал застрявшую полоску ткани.

Через шестнадцать минут после стены деревья начали редеть, и впереди показалась служебная дорога. Уэски сделал по ней два шага и замедлился. У обочины стояли два чёрных тюремных фургона. Семеро вооружённых сотрудников исправительной службы уже рассредоточились перед ним, ещё несколько перекрывали выезд позади. Пожилой офицер в центре даже не достал оружие. Он прислонился к двери ближайшей машины и смотрел на Уэски с выражением человека, которому надоело ждать опаздывающего.

Уэски осмотрел лес слева, земляной откос справа и лишь затем — землю под ногами. Пожилой офицер терпеливо дождался, пока он закончит оценивать местность, и лениво спросил: — Всё ещё ищешь выход? Могу дать тебе ещё секунд десять. Чтобы потом, когда вернёмся, ты не говорил, что мы даже шанса тебе не дали.

Уэски носком ботинка сдвинул слой мокрой земли, обнажив тонкую светлую проводку. — Когда поставили?

— В прошлом месяце. После маршрута, который ты подарил нам в прошлый раз, техслужба возилась здесь три недели. — Офицер посмотрел на спрятанную линию. — Ну как тебе расположение?

Уэски проследил направление провода и кивнул. — Неплохо.

Мужчина и в самом деле улыбнулся. — Спасибо.

— Столько стараний ради меня одного. Я тронут. Не успел Уэски договорить, как несколько стволов вдоль дороги поднялись чуть выше.

Пожилой офицер протянул к нему руку. — Сначала подними обе руки выше плеч. Тогда, может быть, и я сумею выглядеть растроганным.

Уэски ещё раз оценил расстояние до леса и откоса. Продолжать бег означало лишь получить несколько пуль, поэтому он поднял руки. Двое офицеров подошли, защёлкнули наручники на его запястьях, обыскали пояс и лодыжки и добавили цепь вокруг талии. Пока металл затягивали, Уэски снова посмотрел на служебную дорогу и запомнил положение открытого датчика и направление, откуда подошла патрульная машина.

Пожилой офицер проверил замки и поинтересовался, чего именно Уэски надеялся добиться седьмым побегом. Неужели снаружи его и правда кто-то ждёт? Подумав, Уэски признался, что ему просто казалось: системе безопасности тюрьмы ещё есть куда расти. Когда офицер спросил его нынешнюю оценку, он посмотрел на проводку, почти полностью скрытую под грязью, и нехотя согласился, что на этот раз они немного улучшились.

Офицер несколько секунд молча смотрел на него, а потом расхохотался. Он махнул своим людям, чтобы те вернули их неоплачиваемого консультанта по безопасности в фургон. Прежде чем Уэски затолкнули внутрь, он в последний раз взглянул на служебную дорогу. На этот раз он ушёл минимум на милю дальше, чем прежде. Результат не изменился, зато новый маршрут и оборудование стоило запомнить.

Пенитенциарное учреждение Грейвенхёрст существовало уже шестьдесят два года и принимало одних из самых опасных преступников-мужчин в стране. Серийные убийцы, участники международных преступных организаций, главари банд, военные преступники, торговцы людьми и те, кого уже не раз отказывались держать другие тюрьмы, — все они могли оказаться здесь. За историю учреждения зарегистрировали больше десяти бунтов и ещё больше случаев с тяжёлыми последствиями. Со временем в тюремных блоках сложился собственный порядок, которого не было ни в одном официальном руководстве. Новички обычно быстро узнавали, к каким столам лучше не приближаться, какие вещи нельзя брать ни при каких обстоятельствах и о каких именах безопаснее не спрашивать.

Уэски Кам провёл здесь уже несколько лет. Его личное дело было таким толстым, что новые сотрудники редко хотели читать его с первой страницы. Семь попыток побега были лишь самой заметной частью. Те, кто знал его раньше, по-прежнему называли его Уэски, но внутри тюрьмы большинство предпочитало другое имя — Китти. Новички иногда смеялись, впервые его услышав. Узнав, кому оно принадлежит, обычно переставали.

В 8:20 Уэски вернули в его обычный блок. Дежурный снял цепь с его талии и затолкнул в одиночную камеру. Стальная дверь едва успела закрыться, как кто-то в соседней камере прижался к стене и с явным предвкушением хорошей шутки спросил, сколько он продержался на этот раз.

— Шестнадцать минут. — Уэски стянул мокрые от грязи ботинки и осмотрел порванный о забор рукав. — Они закопали новый комплект датчиков под служебной дорогой. Хорошо поставили.

За стеной на полсекунды воцарилась тишина. Потом оттуда донёсся смех. — Ты не смог сбежать и поэтому решил провести им инспекцию оборудования?

Уэски бросил ботинки рядом с койкой и ничего не объяснил. Вскоре в дальнем конце коридора дубинка застучала по решёткам, а дежурный рывкнул, чтобы все заткнулись. Смех в соседней камере стих. Уэски прислонился к стене и закрыл глаза.

В переговорной на третьем этаже административного корпуса царило куда меньше спокойствия. Руководство тюрьмы, служба безопасности, директор медицинской части, члены комитета по судебной реформе и приглашённые внешние эксперты спорили уже почти час. На столе лежали многократно исправленные проекты, несколько чашек кофе успели остыть, так и оставшись недопитыми.

Эллис, начальник службы безопасности, положил документ и откинулся на спинку кресла. — Я уточню в последний раз. Вы действительно собираетесь ввести в Грейвенхёрсте совместное содержание мужчин и женщин, и первый этап начинается немедленно?

Представитель комитета по реформе не стал уходить от вопроса. — Начнём с одной женщины-заключённой. Её передвижения ограничат обозначенными зонами. Для размещения, душа и медицинских осмотров предусмотрены отдельные условия. Первый этап нужен, чтобы оценить реакцию учреждения. Мы не собираемся расширять программу сразу.

Выражение Эллиса не смягчилось. — У нас больше тысячи мужчин, осуждённых за тяжкие преступления. «Обозначенные зоны» красиво выглядят в проекте. Как только она окажется внутри блока и начнёт пересекаться хотя бы с несколькими десятками мужчин, нам придётся пересматривать численность персонала, маршруты перемещения и риск конфликтов.

Заместитель начальника тюрьмы уже дошёл до раздела о размещении. — В какой камере она будет жить? Что делать, если ночью возникнет медицинская проблема? Наши нынешние смены вообще не рассчитаны на женщину-заключённую.

Директор медчасти придвинула свои бумаги. — Нам нужны новые процедуры для лекарств, гигиенических средств и экстренных гинекологических случаев. Двух сотрудниц категорически недостаточно. Днём ещё можно перестроиться. Если что-то случится ночью, вызов человека из дома не всегда сработает достаточно быстро.

Другой администратор нахмурился и вмешался: — А домогательства? И не говорите мне, что будем действовать по существующим правилам. Мы все прекрасно понимаем, что на практике всё окажется сложнее.

Представитель комитета собирался ответить, но Эллис перебил его: — В тот момент, когда она сюда приедет, на неё будут смотреть все. Кто-то попытается подобраться ближе. Кто-то начнёт использовать её как разменную монету. Кто-то будет драться с другими мужчинами из-за неё. Нам заранее придётся решать, за каким столом она сидит и с какой группой перемещается. И это ещё до вопроса о том, что делать, если она добровольно вступит в сексуальную связь с другим заключённым.

Представитель напомнил, что сексуальные контакты между заключёнными и без того запрещены. Эллис коротко рассмеялся и предложил ему самому зайти в блоки, объявить это правило, а потом посмотреть, превратится ли тысяча осуждённых преступников за одну ночь в послушных мужчин. Кто-то в дальнем конце стола едва не рассмеялся вместе с ним, но заместитель начальника продолжил листать документ и спросил, рассматривал ли дисциплинарный отдел риск принуждения к сексуальному контакту и беременности.

Директор медчасти объяснила, что для экстренной контрацепции, гинекологической помощи и сбора доказательств понадобятся новые процедуры, тогда как в ночной смене по-прежнему не хватает женщин-сотрудниц. Представитель комитета предложил установить дополнительные камеры и увеличить число патрулей, а при необходимости ещё сильнее ограничить передвижения заключённой. Эллис напомнил ему, что у камер всегда есть слепые зоны, а сотрудников невозможно поставить на каждом повороте каждого коридора. Если что-нибудь действительно случится, несколько предложений в проекте никого не защитят.

Начальник тюрьмы, сидевший в конце стола, поднял руку, останавливая спор, который уже несколько раз прошёл по одному и тому же кругу. — Покажите мне кандидата. Вы обсуждаете это уже час, и до сих пор никто не сказал, ради кого вообще стоит менять процедуры по всей тюрьме.

Представитель достал из папки запечатанное дело и передвинул его вдоль длинного стола. Предварительное одобрение уже было получено, а перевод практически согласован. Начальник вскрыл печать, прочитал предложение и перешёл к оценке риска. На третьей странице его рука остановилась.

Вверху стояло имя: АУРЛИН ВЕРЧИЛИ. Возраст: двадцать девять лет. Приговор: смертная казнь; обязательный пересмотр не завершён. Эллис придвинул дело к себе и прочитал дальше. Категория риска была отмечена как ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ. В графе «криминальное прошлое» значилось лишь: ДЕМОН.

В комнате стало тихо. Заместитель начальника ещё раз перечитал имя и приговор, словно проверяя, верно ли понял, после чего посмотрел на представителя комитета. — Кандидат, которого вы выбрали для первого этапа, ждёт пересмотра смертного приговора. В проекте написано об адаптации и возвращении в общество. У неё нет даты освобождения. Кто одобрил это решение?

Представитель повернул документ к себе и объяснил, что программа охватывает также адаптацию внутри учреждения и долгосрочное управление поведением. Аурлин соответствует текущим критериям, а высокопоставленные должностные лица изучили все известные риски.

Эллис прижал костяшку пальца к строке «ДЕМОН», и сарказм постепенно исчез из его голоса. — Кореган. Трансграничная преступность. Множественные насильственные преступления. Экстремальный риск. Пять минут назад мы переживали о том, что эти мужчины могут сделать с ней. Возможно, теперь стоит посчитать, сколько из них вообще смогут самостоятельно вернуться в камеры после того, как решат к ней полезть.

Начальник закрыл дело и спросил график перевозки. Узнав, что она прибудет через семь дней, он распорядился заранее освободить приёмную зону, обеспечить присутствие женщин-сотрудниц на протяжении всей процедуры и провести медицинский осмотр до того, как в этот день будет принято хоть одно решение о её активности. Переработанный план безопасности должен был лежать у него на столе к вечеру — без единой пустой фразы, бездумно скопированной из бумаг управления.

Когда совещание закончилось, сквозь окна донёсся далёкий лязг захлопнувшейся стальной двери. Дело осталось посреди стола, и имя Аурлин Верчили лежало поверх всех исправленных проектов. К прежним редким шуткам никто больше не вернулся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

К нам переводят женщину

К тому времени, когда Уэски вернулся в свой обычный блок, уже приближался обед. Рурк ждал у решётки и даже не пытался скрыть, насколько его забавляет происходящее. Через две секции Мейсон жаловался на проигранные сигареты и объявлял, что на восьмую попытку поставит пять минут. Уэски прошёл мимо них, растирая красные следы от наручников. Он сообщил лишь, что под служебной дорожкой установили новые датчики. Сколько сигарет остальные захотят бросить в общий банк ставок, его не касалось.

Коридорные ворота открывались одни за другими, и заключённых двумя колоннами повели в столовую. Мужчины спрашивали, где именно его остановили, словно обсуждали проигранный матч. Никто не воспринимал утренний побег как новость. Уэски провалил уже семь попыток, и каждое возвращение порождало новые коэффициенты, новые ставки и примерно два дня развлечений, после чего всё снова возвращалось в привычный ритм. Он сел на своё обычное место и только успел разломить сухой, почти каменный кусок хлеба, как Рурк подвинул к нему маленькую упаковку джема. Заодно посоветовал в следующий раз продержаться подольше, иначе восьмой пул ставок становилось всё труднее организовывать.

Шутки о побеге вскоре вытеснил другой слух. Молодой заключённый, который часто переносил припасы для медчасти, протиснулся на свободный стул у их стола вместе с подносом. Едва успев сесть, он понизил голос и сообщил, что в северное крыло привезли новые шкафчики и защитные ширмы. Двух сотрудниц временно перевели на утреннюю смену. Он собственными глазами видел, как персонал полностью менял график душевых, а в приёмную зону доставили гигиенические средства, которых в полностью мужской тюрьме обычно вообще не держали.

Вокруг раздался недоверчивый смех. Кто-то за соседним столом велел ему перестать повторять ерунду, подслушанную у уборщика. Молодой мужчина тут же назвал время прибытия машин с грузом и описал надписи на коробках. Чем больше он приводил подробностей, тем чаще вилки зависали над тарелками, а стулья почти незаметно сдвигались ближе к их столу.

Одни решили, что администрация готовится принять женщину-заключённую. Другие начали подсчитывать, сколько драк из-за неё случится, причём каждый следующий прогноз был грязнее предыдущего. Один мужчина вполне серьёзно спросил, в какое время ей выделяют душ, и сидевший рядом тут же бросил ему в лицо салфетку, велел сначала озаботиться тем, чтобы самому пережить этот месяц. Смех прокатился от их стола к следующему ряду. Офицер взглянул в их сторону, но прежде чем успел услышать разговор, его отвлёк спор в другой части зала.

Рурк постучал ножом по краю подноса Уэски и спросил, неужели даже это его не заинтересовало. Уэски отодвинул нож и продолжил есть. — Она ещё даже в ворота не вошла, а вы уже прожили за неё половину жизни. Дождитесь хотя бы, пока увидите её, прежде чем окончательно сойдёте с ума. Тогда хоть будете выглядеть терпеливыми.

Это вызвало ещё более громкий смех. Молодой мужчина, принёсший новость, собирался добавить что-то ещё, когда пожилой заключённый за соседним столом спросил, как зовут женщину. Немного подумав, парень сказал, что запомнил только Аурлин. Фамилия звучала примерно как Верчили. Чашка пожилого мужчины застыла на полпути ко рту. Он медленно выпрямился после расслабленной позы и посмотрел поверх края чашки на говорившего.

Кто-то заметил его реакцию и спросил, не старая ли это любовница. Пожилой мужчина проигнорировал шутку. Когда-то он провёл две партии Коррегана через южный порт. После

того как третья покинула склад, люди, отвечавшие за передачу груза, исчезли вместе со своими семьями. В суде он никогда об этом не упоминал и сейчас тоже не собирался. Лишь сказал столпившимся вокруг мужчинам говорить тише.

Они продолжали требовать объяснений. Пожилой заключённый рассматривал их возбуждённые лица, словно решал, способны ли они вообще понять. Наконец он провёл большим пальцем по краю чашки и негромко сказал: — Некоторые снаружи называют её Наташан. Большинство осмеливается пользоваться только другим именем — Демон.

Окружающий шум словно раскололся надвое. Сначала стихли ближайшие столы. Кто-то вспомнил Кореган. Другой — трансграничного криминального организатора, чью настоящую личность годами не могли подтвердить. Даже мужчина, интересовавшийся её временем в душе, отодвинул стул назад. Рурк нахмурился и спросил, связаны ли с ней сто семнадцать смертей. Пожилой заключённый ответил, что власти этого никогда не подтверждали и он не намерен делать выводы вместо них.

Один из молодых всё ещё считал, что остальные слишком драматизируют. Чувствуя поддержку сидевших рядом, он воткнул вилку в еду и нарочно заговорил легкомысленно: — Как только она попадёт в Грейвенхёрст, она станет просто женщиной в наручниках. Какая разница, насколько громкое у неё имя? Что она сделает — сожрёт всех нас тысячу человек?

Уэски на мгновение поднял на него глаза. В его взгляде не было и намёка на намерение защищать незнакомку. Просто он слишком часто видел, как мужчины превращали опасность в шутку, а после происшествия оставляли другим разгребать последствия. — Раз так интересно, сходи и проверь. Только сначала отдай мне сигареты, которые задолжал. Если окажешься в медчасти, не хочу, чтобы Рурку пришлось выбивать долг вместо меня.

Рурк уловил скрытый вес фразы. Один раз рассмеялся и вернулся к еде. Молодой заключённый пробормотал несколько ругательств, но прежней бравады в нём уже не было. Разговор продолжился гораздо тише, а те, кто действительно слышал о Демоне, больше не вернулись к похабным предположениям. Один мужчина незаметно ушёл искать того, кто вёл ставки, чтобы изменить свой выбор. Несмотря на его поспешность, Рурк заметил.

Тем же днём во дворе открыли ещё один пул ставок. В углу стола накапливались сигареты, кофе и банки с едой. Ставили на всё: от момента, когда Аурлин впервые нападёт на кого-нибудь, до того, сколько администрация сумеет продержать её здесь. Двое заключённых поссорились из-за пачки кофе, которую по ошибке поставили дважды. Мужчина, ведущий записи, отступил, защищая тетрадь, а когда появились офицеры, зрители разбежались, крича, что ставки отменять нельзя.

Уэски сидел в стороне и играл с Рурком в карты. Время от времени он слышал, как кто-нибудь втягивает его имя в разговор, и не реагировал. Рурк выдержал одну партию, прежде чем спросил, о чём Уэски на самом деле думает. Говоря, он продолжал сортировать карты в руке, но насмешки, звучавшей за обедом, в его голосе уже не было. Очевидно, он тоже помнил число, которому власти так и не дали объяснения.

Уэски положил на стол последнюю карту и не ответил сразу. Ему доводилось видеть тела, сложенные в одной комнате после провалившейся операции. Он также прекрасно знал, сколько оружия, перекрытых выходов и часов подготовки требуется, чтобы в одном месте погибли сто семнадцать человек. Такое не происходило из-за минутной потери контроля. — Я хочу знать, что случилось внутри того здания. А как она выглядит — увидим, когда придет.

Рурк собрал разбросанные карты, и улыбка исчезла с его лица. — А если приказ действительно отдала она? Если все эти люди умерли из-за неё?

— Тогда она опаснее, чем говорят истории. — Уэски поднялся, стряхнул пыль со штанов и посмотрел поверх мужчин, которые всё ещё спорили о ставках. — Кто хочет обращаться с

ней как с новой игрушкой, пусть потом живёт с последствиями. И после того, как его унесут, не надо рассказывать, будто никто не предупреждал.

Перед вечерней перекличкой перекрыли ещё один коридор северного крыла. Из-за решёток заключённые наблюдали, как рабочие заносят новые дверные панели. Визг дрелей продолжался до полной темноты, и слух о женщине-заключённой окончательно перестал быть развлечением — теперь её прибытие стало реальностью, которая вот-вот случится. В ту ночь блоки затихли позже обычного. Время от времени кто-нибудь прижимался к стене и спрашивал, не появилось ли новых сведений, но вместо ответа слышал лишь приближающиеся шаги патруля.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первая женщина

На шестое утро несколько коридоров северного крыла закрыли раньше обычного. Ремонтные бригады сняли ненадёжные замки, установили в душевой защитные ширмы и устройства экстренного вызова, а в приёмную зону доставили новые принадлежности. Две сотрудницы исправительной службы, временно направленные в Грейвенхёрст, ещё раз прошли маршрут перемещения вместе с охраной. Мужчины-заключённые уже несколько дней наблюдали за подготовкой сквозь решётки. Первоначальное возбуждение переросло в нетерпение, а споры из-за ставок и лучших мест для обзора уже отправили двоих в медчасть.

Сильнее всех перемены раздражали сотрудников ночной смены. Разделение северного маршрута вынуждало то же количество людей проходить через три дополнительных шлюза, а на каждый медицинский вызов теперь требовалось отдельно звать женщину-сотрудницу. Даже в пятой версии графика дежурств оставались пробелы. Руководству пришлось отменить отпуска двум сменам и перебросить людей из зоны свиданий, чтобы закрыть нехватку.

Перед обедом Эллис принёс отчёты о происшествиях в административную переговорную и положил их перед представителем комитета по реформе. — Шесть дней. Три пула ставок, две драки, и мужчины уже ставят на принуждение к сексуальному контакту. Она ещё из фургона не вышла, а мы уже разгребаем последствия вашей программы.

Представитель прочитал первые две страницы и признал, что нагрузка на безопасность оказалась выше расчётной, хотя говорил всё тем же размеренным голосом, каким говорил на каждом совещании. — Мы можем сократить число заключённых на совместных мероприятиях, полностью развести душевые по времени и на первую неделю добавить женщин-сотрудниц. Если держать её в изоляции бессрочно, эксперимент теряет смысл. Руководство хочет понять, способен ли нынешний режим справляться с исключительными обстоятельствами.

Эллис не стал спорить о цели отчёта. Он выдвинул стул и пододвинул директору медчасти новое приложение, поступившее утром. — Тогда объясните это. Медчасти приказано установить базовые показатели неврологической реакции и взять ещё три образца крови. Кроме того, изображение с камеры в приёмном коридоре должны вывести по независимому каналу прямо в какую-то внешнюю наблюдательную комнату. Для интеграции женщины всё это не нужно, и вчера в проекте ничего подобного не было.

Директор медчасти прочитала документ строка за строкой и подтвердила, что её отдел запрашивал только обычный осмотр. Дополнительные тесты требовали фиксировать реакцию зрачков, кратковременную память и метаболизм лекарственных веществ. Там же указывалось, что образцы крови необходимо хранить в контейнерах, предоставленных внешней организацией. На последней странице стоял только код разрешения — ни имени врача, ни номера исследования, ни заявленной цели сбора образцов.

После короткой паузы представитель комитета объяснил, что дополнительные меры финансирует внешняя надзорная структура, а разрешение вступает в силу одновременно с основной программой. Ответ звучал заученно; даже паузы приходились на слишком правильные места. Когда Эллис потребовал назвать человека, подписавшего документ, представитель смог сказать лишь, что код исходит из Управления стратегической непрерывности. Для получения других сведений требовался более высокий уровень допуска.

— Значит, ведомство, о котором никто из нас никогда не слышал, может смотреть её медицинскую трансляцию и вывозить отсюда её кровь, а мы ещё неделю назад даже не знали

имени заключённой, которую принимаем? — Эллис забрал бумагу обратно и прижал палец к коду. — Вы называете это надзором. Я называю это попыткой открыть частную дверь под прикрытием программы реформ.

За столом воцарилась тишина. Представитель предупредил, что подобная формулировка может быть истолкована как обвинение в адрес санкционировавшего ведомства. Эллис предложил прислать того, кто подписал приказ, на одну ночную смену — и тогда он сумеет сформулировать то же самое ему в лицо более вежливо. Директор медчасти закрыла запрос на забор образцов; по её выражению было ясно, что без недостающих сведений она сотрудничать не собирается.

Начальник тюрьмы всё это время слушал с дальнего конца стола. Когда бумаги дошли до него, он вычеркнул пункты о независимой видеолинии и дополнительных образцах и приказал всем внешним сотрудникам заново зарегистрироваться перед входом в медчасть. — Юридическое разрешение может впустить программу через главную дверь. Оно не даёт незнакомцам права обходить мой персонал. Любой, кто хочет вынести из этого учреждения кровь, сначала назовёт своё имя, цель и место, где образец будет храниться.

Лицо представителя комитета напряглось. Он предупредил, что изменения в последний момент могут повлиять на финансирование и итоговую оценку пилотной программы. Начальник тюрьмы закрыл документ и спокойно ответил: — Здесь больше тысячи мужчин, осуждённых за тяжкие преступления, а теперь к нам переводят лидера преступной сети, ожидающего пересмотра смертного приговора. Плохой отчёт можно переписать. Если кто-то погибнет, никакое количество страниц его не вернёт.

Эллис сдвинул в центр стола профиль риска Аурлин. Огнестрельное оружие, ближний бой, множественные убийства, трансграничная сеть — страницы были заполнены до краёв, а сверху крупно стояла максимальная категория риска. Заключённые, видевшие только её возраст и пол, этого дела не читали. Администрации предстояло одновременно защищать её от нападения и не допустить, чтобы какой-нибудь идиот умер в общей зоне, решив воспользоваться случаем.

Директор медчасти перешла к психологической оценке. Когнитивные функции Аурлин были сохранены; она понимала и процедуру перевода, и порядок пересмотра смертного приговора, однако её эмоциональная реакция оставалась ненормально слабой. Она не спросила, почему выбрали именно её, и не потребовала, чтобы адвокат остановил перевод. Когда специалист описывал Грейвенхёрст, большую часть беседы она просидела молча. Она даже не поинтересовалась, сколько времени пробудет там.

Эти выводы никого не успокоили. Эллис изучил краткий отчёт и тихо сказал, что заключённая камеры смертников, которой безразлично, куда её переводят, помещённая среди мужчин, уже успевших превратить её в предмет ставок, сделает даже обычную стычку непредсказуемой. Заместитель начальника потёр лоб, снова просмотрел маршрут между камерой в северном крыле и медчастью и добавил ещё одного сотрудника на одном из поворотов.

Совещание закончилось подтверждением: Аурлин прибудет на следующее утро в 9:30. Приёмную зону закроют за час. Сотрудники, проводящие досмотр, и медицинский персонал будут присутствовать на протяжении всей процедуры, а осмотр и регистрация должны завершиться до того, как на следующий день её допустят к любым совместным мероприятиям. Представитель комитета попытался добиться вводного контакта уже в день прибытия. Начальник тюрьмы посмотрел на него и заметил лишь, что авторы проекта ни одной ночи не работали в Грейвенхёрсте. На этом разговор закончился.

Когда остальные разошлись, представитель комитета остался один в коридоре перед переговорной. Он сфотографировал вычеркнутые требования и отправил снимки на зашифрованный номер. Более чем через десять секунд пришёл ответ: разрешение на перевод сохра-

нить; остальные меры отложить до появления другой точки доступа. Он прочитал сообщение, удалил переписку и толкнул дверь, догоняя коллег.

Тем же днём внутри блоков вывесили уведомление о пилотной программе. В нём указывались лишь время начала и изменения в расписании, но имя Аурлин уже разошлось по нескольким корпусам. Молодые заключённые толпились возле листа, споря за места, откуда на следующий день можно будет увидеть вход. Один снова начал отпускать похабные шутки о её возрасте. Пожилой мужчина за его спиной холодно предупредил, что тот, кто действительно сталкивался с Кореганом, не нашёл бы ситуацию смешной.

Парень не захотел замолчать перед друзьями и потребовал рассказать, что именно старший видел. Тот закатал рукав, показывая широкий химический ожог на предплечье. Сказал лишь, что когда-то разгружал товар для этой сети. Однажды состав складской бригады смеялся, а прежних работников больше никто не видел. Молодой заключённый несколько секунд смотрел на шрам и проглотил уже приготовленную шутку.

Уэски прошёл по дальнему концу коридора, даже не приблизившись к объявлению. Рурк окликнул его через решётку и спросил, испугалась бы обычная женщина тюрьмы, заполненной опасными преступниками. Уэски посмотрел в сторону мужчин, уже охранявших лучшие места для обзора. — Она ждёт пересмотра смертного приговора. Мужчины здесь для неё недостаточно высоко в списке опасностей.

Перед началом ночной смены завершили проверку новых камер северного крыла. На консоли в комнате наблюдения появился безымянный внешний порт. Дежурный попытался открыть его и получил предупреждение о недостаточных правах доступа. Он отметил аномалию в журнале передачи смены. К тому времени, когда утром пришла новая смена, система автоматически пометила запись как не требующую действий.

В 8:30 следующего утра приёмную зону закрыли по графику. Большинство заключённых не могло видеть прибывающие машины, хотя некоторые всё равно пытались столпиться у решёток, ближайших к главному коридору. Несколько мужчин с реальными связями в преступном мире стояли дальше; на фоне общего гомона особенно выделялось их молчание. В 9:27 с тяжёлым скрежетом открылись первые стальные ворота. Шум, не стихавший всё утро, постепенно сошёл на нет.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Аурлин Верчили

В 9:29 вторые стальные ворота Грейвенхёрста медленно открылись. Приёмную зону заранее освободили. Вооружённые офицеры стояли через равные промежутки по обе стороны коридора, а за линией досмотра ждали медицинская бригада и две временно направленные сотрудницы. Когда транспорт остановился, в кабине завершили проверку личности. Через мгновение задние двери распахнулись, и в тесный отсек ворвался холодный воздух.

Аурлин опустила голову, ступая на подножку. Кандалы укорачивали шаг, а цепь вокруг талии удерживала обе руки, вынуждая её идти точно в темпе конвоя. После долгой дороги тёмные волосы растрепались. Слишком большая тюремная форма скрывала очертания фигуры, а тонкий шрам у линии волос на левом виске исчезал в тени всякий раз, когда на него падали пряди.

Бетон недавно вымыли, и запах дезинфицирующего средства смешивался с ржавчиной ворот. Аурлин останавливалась, когда останавливался конвой, и продолжала идти, когда отпирали следующий замок. Инстинкт по-прежнему заставлял отмечать камеры, углы и расположение охраны. Эти привычки слишком глубоко вросли в тело, чтобы исчезнуть, но разум не строил вокруг увиденного никакого плана побега. В какой блок её поместят, в какой камере она окажется и сколько продлится пересмотр смертного приговора — ей было безразлично.

Сотрудница приёмного отдела сверила браслет Аурлин, попросила назвать дату рождения и объяснила порядок досмотра, медицинского обследования и переодевания. Назвав дату, Аурлин больше ничего не сказала. На вопрос о самочувствии покачала головой. Внешние транспортные фиксаторы сняли, оставив кандалы на лодыжках, и группа прошла во внутренний коридор, пока первые ворота закрывались позади.

По мере приближения к основным блокам всё отчётливее слышались удары ладоней по решёткам. Едва открылись вторые изоляционные ворота, как сверху раздался пронзительный свист. Кто-то другой крикнул, чтобы она подняла голову. С обеих сторон к решёткам прижималось всё больше лиц; взгляды скользили по её лицу, талии и ногам. Пошлости смешивались со смехом, пока дежурные офицеры не начали их перекидывать.

Один заключённый высунулся слишком далеко и протянул руку сквозь решётку, собираясь ударить по металлической табличке, когда Аурлин будет проходить мимо. Офицер отбросил его руку дубинкой, и мужчина громко выругался от боли. Остальные загоготали. Некоторые продолжали смотреть. Несколько человек, увидев молодое лицо, совершенно не похожее на то, которое они себе представляли, постепенно перестали смеяться.

Аурлин смотрела прямо перед собой. Когда кандалы сбивали шаг, она лишь переносила вес и продолжала идти. Плечи не напрягались от криков, дыхание оставалось таким же медленным, как всю дорогу. В самом тесном месте до решёток было всего несколько шагов. Мужчины, вытянувшие шеи в ожидании её гнева, увидели лицо, слишком безразличное даже для отвращения.

Чуть дальше пожилой заключённый, когда-то работавший на одном из маршрутов Корегана, тихо велел своим соседям заткнуться. Молодой спросил, чего тот так нервничает. Старший посмотрел на наручники на запястьях Аурлин и напомнил, что наручники способны удерживать её руки, но не людей снаружи, которые до сих пор ей подчиняются. После этого никто из них не стал придвигаться к решётке.

Дверь медчасти закрылась за ней, превратив крики в приглушённое эхо. Врач измерила давление, осмотрела старые травмы и ссадины после дороги, затем расспросила о сне, питании

и недавнем приёме лекарств. Там, где можно было ответить кивком или покачиванием головы, Аурлин обходилась без слов. Лишь вопросы о менструальном цикле, аллергиях и других конкретных вещах получили короткие устные ответы.

Когда речь зашла о сне, врач просмотрела записи. — Вы просыпаетесь каждую ночь?

— Почти каждую. — Из-за долгого молчания голос Аурлин звучал слегка хрипло.

Врач спросила, удаётся ли ей после этого снова уснуть. Аурлин опустила глаза на красные следы, натёртые металлом на запястьях. Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила: — Иногда.

Врач отложила ручку и спросила, беспокоит ли её перевод в мужскую тюрьму. Аурлин посмотрела на часы на стене. Секундная стрелка прошла полкруга, прежде чем она снова перевела внимание на врача. Она не попросила защиты и не заявила, что сама за себя постоит. Лишь спросила, закончен ли осмотр. Врач замерла на мгновение, затем велела медсестре подготовить забор крови.

После того как взяли обычный образец, внешний специалист ввёз второй набор. Вместо названия организации на этикетках стоял код разрешения. Помня о дополнительных требованиях, которые вычеркнули из проекта, директор медчасти перекрыла доступ к набору и потребовала указать цель процедуры и имя подписавшего документ. Специалист настаивал, что разрешение вступило в силу вместе с пилотной программой. Она захлопнула крышку и приказала офицерам не разрешать брать никаких дополнительных образцов, пока документация не будет полной.

Спор за дверью продолжался несколько минут. Второй образец так и не взяли, а набор заперли во временном шкафу для вещественных доказательств. Аурлин слышала весь разговор, хотя на код посмотрела лишь на мгновение. Она не спросила, кому понадобилась её кровь. Без сопротивления прошла досмотр, переоделась, присутствовала при описи личных вещей. За почти два часа процедуры ни разу не спросила, где находится её камера и сколько она здесь пробудет.

Сотрудница, сопровождавшая её, заметила это безразличие и замедлилась у последних ворот. — Те мужчины, которых ты слышала, говорят мерзости. Первые несколько дней некоторые специально будут проверять твои границы. Если кто-нибудь подойдёт слишком близко, зови офицера. Не доводи до момента, когда мы уже не сможем это остановить.

Аурлин слушала, как поворачивается замок, и после небольшой паузы кивнула. Сотрудница несколько секунд смотрела на неё, проглотила оставшиеся советы и открыла ворота северного крыла. Шум основной тюрьмы снова накрыл их. Мужчины с верхнего яруса всё ещё кричали, когда Аурлин пошла по коридору за сотрудницей; её шаг не изменился от начала до конца.

В одиночной камере были матрас, шкафчик для вещей и основные гигиенические принадлежности. Вокруг туалета установили ширму, а пост наблюдения снаружи перестроили. Аурлин вошла, осмотрела вентиляцию и углы, после чего взгляд остановился на нераскрытой книге правил возле койки. Объяснив порядок перекличек, приёма пищи и работу аварийной кнопки, сотрудница спросила, нужно ли ей что-нибудь. Аурлин покачала головой.

Когда стальная дверь закрылась, кто-то дальше по коридору крикнул, что, если она не сможет уснуть, пусть стучит в стену. По камерам прокатился смех. Аурлин села на край койки, несколько мгновений рассматривала следы на запястьях, затем легла на бок. Мужчины окликали её ещё несколько раз. Глаза у неё уже были закрыты, дыхание почти замедлилось до сна, но до звонка следующей пересменки она больше не шевельнулась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Не трогай её

На следующий день после обеда Аурлин впервые вошла в общую комнату отдыха. Руководство ограничило число присутствующих двадцатью заключёнными; трое офицеров заняли позиции у входов и возле тренажёров, а в углу медленно поворачивалась недавно установленная камера. Утренняя смена заранее предупредила всех, что домогательства, частные сделки и намеренные физические контакты повлекут дополнительные дисциплинарные меры. И всё же, когда она вошла, мужчины у телевизора и тренажёров остановились.

Здесь было тише, чем в главном коридоре. Резиновое покрытие пропиталось запахом пота, а старые тренажёры постоянно скрежетали металлом. Несколько мужчин делали вид, что продолжают смотреть матч, наблюдая за Аурлин в отражении экрана. Другие тихо переговаривались возле кулера. Слов нельзя было разобрать, но смех и направление взглядов говорили достаточно.

Аурлин никого не искала. Она села за стол у стены, где кто-то оставил неполную колоду карт. По телевизору вдалеке шла игра. Ни то ни другое её не интересовало. Иногда она поглядывала на выход, словно подсчитывала, сколько ещё продлится время отдыха. Сотрудница, приставленная следить за ней, стояла более чем в десяти шагах, не убирая руку с тревожной кнопки на поясе.

Дарнелл только закончил подход на скамье для жима; пот стекал с шеи под майку. Увидев Аурлин одну, он спросил, открыт ли ещё пул ставок. Мужчина рядом посоветовал не искать неприятностей. Дарнелл рассмеялся и вместо ответа поднял воду. В Грейвенхёрсте он заработал положение нагlostью и кулаками. Если сейчас начнёт демонстративно избегать недавно прибывшую женщину, над ним будут смеяться месяцами.

Он остановился у её стола и спросил, всегда ли она такая молчаливая. Не получив ответа, выдвинул второй стул и сел. Снаружи, сказал он, Демона описывали так, будто это какое-то чудовище. Вживую же она больше походила на статую, которой слишком скучно, чтобы кого-нибудь замечать. Аурлин продолжала смотреть на дверь. Она даже не взглянула на стакан, который он поставил на стол.

Несколько мужчин неподалёку ждали, когда он опозорится. Дарнелл чувствовал их внимание. Улыбка стала натянутой, и он наклонился через стол ещё ближе. — Мы будем видеться каждый день. Придётся познакомиться хотя бы с несколькими людьми. Здесь всё не так, как снаружи. Одно имя не протащит тебя через весь срок. Выпей со мной сейчас — тогда остальные хотя бы не начнут искать проблем, как только к тебе подойдут.

Ему казалось, что он предложил ей простой выход. Аурлин не дала ему ничего. Кто-то позади негромко хохотнул, и пальцы Дарнелла сильнее сжали стакан. Он обернулся с раздражённым взглядом, а когда снова повернулся к ней, искусственная дружелюбность уже исчезла. Тихим голосом он велел ей не воображать, будто здесь она представляет что-то особенное.

Аурлин по-прежнему смотрела вперёд. Дарнелл ждал. Позади снова послышался смех, и лицо его потемнело. Он обошёл стол, на ходу читая ей лекцию о том, что теперь она внутри и ей пора выучить здешние правила, после чего правой рукой сжал её за плечо выше локтя.

Когда хватка усилилась, Аурлин двинулась вместе с направлением давления. Одна рука зафиксировала его кисть под большим пальцем, вторая надавила на локоть, выворачивая сустав дальше естественного угла. Дарнелл потерял равновесие. Плечо ударилось о край стола, одно колено опустилось на пол. Стакан перевернулся и покатился по столешнице.

Он попытался подняться, опираясь свободной рукой. Аурлин уже завернула его правую руку за спину, уперев колено под лопатку. Дарнелл дёрнул плечом, стараясь сбросить её. Она подняла его запястье всего на полдюйма, увеличивая давление на сустав. Когда его лицо оказалось почти у самого холодного пола, ругательство, которое он собирался выкрикнуть, превратилось в резкий вдох. На лбу выступил пот.

Сначала зрители засмеялись. Когда сустав под давлением тихо хрустнул, комната стихла. Один из приятелей Дарнелла сделал полшага вперёд и остановился, когда Аурлин подняла на него глаза. На её лице не было ни возбуждения, ни злости, обычных для драки. Руки оставались ровными и спокойными, будто она просто передвигала предмет, загородивший дорогу.

Все трое офицеров двинулись к ним с разных сторон. Когда прозвучал первый приказ, Дарнелл всё ещё сопротивлялся, и Аурлин его не отпустила. Только когда второй офицер вошёл в предел досягаемости, она убрала колено, разжала руку Дарнелла, которая уже не поднималась, и отошла к стене, оставив достаточно пространства между собой и обоими сотрудниками.

Дарнелл свернулся, прижимая повреждённое плечо, и тяжело хватал воздух. Когда голос вернулся, он назвал её психопаткой и заявил, что всего лишь взял её за руку. Старший офицер вызвал медиков для осмотра сустава, после чего повернулся к Аурлин и спросил, Дарнелл ли первым начал физический контакт. Она кивнула. Почему после этого продолжала давить ещё несколько секунд, объяснять не стала и ни разу не посмотрела в сторону наблюдавших заключённых.

Отдых закончили досрочно. Аурлин отвели в соседнюю временную комнату для опросов, где сотрудница попросила описать произошедшее и объяснить, почему она не отпустила Дарнелла после первого приказа. Аурлин рассматривала борозду, многократно вырезанную на столешнице, и сказала лишь, что он всё ещё сопротивлялся. После этого снова замолчала.

Запись с камеры подтверждала, что Дарнелл первым схватил её, однако дисциплинарный отдел всё равно зафиксировал применение чрезмерной силы. Аурлин не стала оспаривать решение и не подписала жалобу на домогательство. Когда перед ней положили бланк, она едва на него взглянула, словно имя человека, которого накажут, не имело значения. В конце концов сотрудница убрала пустой документ и отвела её обратно в камеру северного крыла.

Перед тем как дверь закрылась, Аурлин услышала уже куда более тихое обсуждение из комнаты отдыха. Кто-то со смехом сказал, что Дарнелл так и не сумел вытянуть из неё целое предложение. Другой предупредил всех держать руки при себе. Офицер прикрикнул, и разговор оборвался. Когда коридор затих, остался лишь звук колёс медицинской каталки, которую везли в другой корпус.

Через два дня Дарнелл вернулся с правой рукой, зафиксированной ортезом. Приблизиться к Аурлин он больше не осмеливался, хотя рядом с другими мужчинами обязательно говорил что-нибудь мерзкое — будто достаточная громкость заставит их забыть, как он стоял перед ней на коленях. Он всегда держался на безопасном расстоянии и мгновенно замолкал, стоило офицеру посмотреть в его сторону.

После ужина в прачечной не хватало работников, поэтому нескольких заключённых из экспериментальной зоны назначили переносить мешки. Аурлин появилась в коридоре, толкая металлическую тележку, наполненную простынями. В противоположном конце прохода Дарнелл стоял с двумя мужчинами. Он оценил, где находятся ближайшие офицеры, и, убедившись, что те достаточно далеко, с усмешкой заявил, что она умеет нападать только на тех, кто не готов.

Его приятели засмеялись. Воодушевлённый, Дарнелл добавил что-то ещё более грязное, хотя сам избегал смотреть Аурлин в лицо. Колёса тележки ритмично скрежетали на стыках пола. Когда она остановилась в нескольких ярдах от них, коридор внезапно затих.

Аурлин не пошла к нему. Она лишь подняла глаза. Лицо оставалось спокойным. Она не брала ничего с тележки и не принимала боевую стойку. Повреждённое плечо Дарнелла напряглось, и он невольно сдвинулся на полшага к стене. Заметив, что друзья смотрят, он заставил себя потребовать объяснений, что она вообще делает.

Аурлин взялась за тележку и продолжила путь. Когда расстояние сократилось, Дарнелл наконец развернулся боком и освободил проход полностью, прижав фиксированную руку к телу. Двое мужчин, смеявшихся вместе с ним, тоже отступили; веселье исчезло с их лиц. Никто не повторил сказанного.

Тележка прошла мимо, и одежда Аурлин даже не задела ни одного из них. Колёса пересекли последний стык, скрежет постепенно стих в дальнем конце прачечной. Дарнелл остался на месте, глядя ей вслед. Губы его несколько раз шевельнулись, но ни одного слова так и не прозвучало.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Держись от неё подальше

После начала обеда Аурлин осталась за столом у стены. Она съела всего несколько кусочков и почти всё внимание отдавала книге с потёртой обложкой. Когда мимо проезжала тележка с едой, заключённые поблизости убирали ноги из прохода. Даже мужчины, искавшие свободное место, меняли направление, едва узнавали её.

Молодой заключённый у колонны счёл такую осторожность смешной. Он высмеял мужчин за своим столом и нарочно выдвинул стул в проход, словно собирался доказать, что Демон — всего лишь женщина в наручниках. Мужчина напротив поднял глаза и положил ладонь на спинку стула, не позволяя ему придвинуться ещё ближе.

Много лет назад этот мужчина недолго перевозил Кореган и однажды видел Аурлин возле склада. В тот день один из посредников выпил и подошёл слишком близко, жалуясь на свою долю. Аурлин не повысила голос и даже не коснулась его. Через полчаса его собственные люди утащили мужчину в переулочек. Больше он не появлялся ни на одном маршруте перевозок.

Улыбка на лице молодого заключённого стала слабее, хотя он всё равно спросил, что произошло. Второй мужчина вернулся к еде и посоветовал помнить: те, кто сумел выжить в той сети, знали, когда нужно закрыть рот. Проследив за его взглядом до Аурлин, парень тихо задвинул стул обратно к колонне.

Рурк заметил это с другого стола. Разрывая упаковку с хлебом, он с весёлой усмешкой рассказывал Уэски, как Дарнелл теперь ходит вокруг Аурлин огромными кругами. На середине рассказа он вдруг заметил, что Уэски смотрит на её почти нетронутый поднос, и нарочно замолчал.

Уэски перевёл взгляд на него. — Почему остановился?

— Не хотел мешать. — Рурк откусил хлеб, пряча улыбку в уголке рта. — На чём я там был?

Уэски поднял чашку и не принял шутку. Рурк не стал давить дальше. Он подвинул к нему нераспечатанный джем и напомнил, что после обеда Уэски назначен в техобслуживание. Не стоит тратить весь период на изучение того, сколько съел другой человек.

Когда обед закончился, зал начал пустеть. Аурлин с книгой пошла к месту сдачи подносов. Двое мужчин впереди слышали её шаги и без всякой просьбы отошли в сторону. Она на них даже не посмотрела. Поставив поднос, Аурлин повернула к кулеру и оказалась лицом к лицу с Уэски и Рурком.

В узком проходе им пришлось пройти совсем близко друг к другу. Рурк инстинктивно убрал плечо, освобождая ей прямой путь. Уэски сместился всего на полшага. Его взгляд прошёл от бледного лица Аурлин к руке, державшей книгу за корешок. Она прошла между ними; рукав скользнул по его руке, но шаг не ускорился.

Только когда Аурлин отошла на несколько ярдов, Рурк выпустил воздух, который невольно задержал. Тихим голосом признался, что рядом с ней ему не по себе. Затем заметил, что Аурлин моложе, чем казалось по рассказам, и красивее, чем на розыскных изображениях. Уэски посоветовал навсегда оставить это наблюдение между ними двумя.

Рурк коротко рассмеялся и больше не шутил о ней. У развилки впереди тот самый молодой заключённый всё ещё стоял, прижавшись к стене. К остальным он вернулся только после того, как ворота северного крыла полностью закрылись за Аурлин.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дисциплинарное взыскание

В десять утра двое офицеров вывели Аурлин из одиночного сектора северного крыла. Она пошла за конвоем к административному корпусу, не спросив, куда её ведут. На поворотах наручники задевали ткань формы. Заключённые, переносившие коробки у лестницы, остановились, пока она проходила, а затем вернулись к работе.

Эллис ждал в дисциплинарной комнате; перед ним на столе лежали журнал дежурств и медицинское заключение. Справа сидел Харрис, у окна — доктор Мур, напротив них — Аурлин. Цепь с талии сняли, но запястья оставили в наручниках. Сев, она один раз посмотрела на покрасневшую кожу под металлом и положила руки на колени.

Эллис объяснил, что плечо Дарнелла вывихнуто и заживать будет несколько недель. Запись с камеры подтверждала: первым Аурлин схватил именно он. Но на той же записи было видно, что, уже освободившись, она продолжала выворачивать его руку к столу. Харрис подвинул к ней дисциплинарное постановление. Доступ в общие зоны приостанавливался на два дня, работа в прачечной — на неделю. Ещё один подобный случай повлечёт более строгие ограничения.

Аурлин прочитала лист и кивнула. Не получив ничего больше, Эллис дважды постучал пальцами по столу и потребовал подтвердить, что она поняла. Она несколько секунд смотрела на него. — Я слышала.

Харрис не заставил её продолжать. Только напомнил, что в следующий раз сначала нужно позвать офицера. Когда дисциплинарная часть закончилась, доктор Мур спросила о травмах, сне и физическом дискомфорте. На вопрос о боли Аурлин покачала головой, остальные вопросы оставила без ответа. Мур положила ручку, когда спросила, намерена ли Аурлин по-прежнему причинить вред самой себе. Она долго ждала ответа, а затем оставила графу пустой.

Эллис посмотрел на незаполненное поле и спросил, какой вообще смысл в такой оценке. Мур закрыла папку и сказала, что молчание — тоже наблюдение. Шаблонный ответ, который удалось выдавить из человека силой, ничего не значит. Если ему так необходимо утвердительное предложение, в следующий раз он может сам проводить психиатрическую оценку. Эллис откинулся назад и больше не вмешивался.

Аурлин никак не участвовала в их споре. Подтвердив постановление, она ровным почерком подписала своё имя. Пока конвой снова закреплял цепь на талии, Эллис ещё раз напомнил от двери, что в следующий раз нужно звать на помощь. Аурлин один раз взглянула на него и вышла вслед за офицерами.

После того как дверь закрылась, доктор Мур убрала планшет и сказала, что Аурлин прекрасно понимает каждое требование. Эллис потёр лоб и уставился на отчёт, в котором почти не было слов самой заключённой. — Знаю. И чем лучше она всё понимает, тем меньше я понимаю, чем её вообще можно удержать.

К полудню результат дисциплинарного разбирательства уже разошёлся по блокам. Рурк приготовил чашку дешёвого кофе и с удовольствием стороннего наблюдателя сообщил Уэски, что на опросе Аурлин произнесла всего несколько слов. Уэски принял сданные ему карты и заметил, что молчание кажется Рурку таким увлекательным только потому, что самого Рурка несколько раз в год приводят в дисциплинарную комнату за споры. Рурк попробовал отвратительный кофе, со смехом выругался в его адрес и наконец вернулся к игре.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наташан

Через два дня Аурлин вернулась в общую зону. В тот же день из южного крыла перевели заключённого по имени Томас Вейл. Несколько лет назад он работал на нескольких трансграничных маршрутах, а затем получил большой срок за наркоторговлю, отмывание денег и участие в организованной преступности. Его появление в Грейвенхёрсте почти никто не заметил.

За обедом Аурлин прошла мимо его ряда с подносом в руках. Вилка Томаса застыла. Сосед проследил за его взглядом и без особого интереса спросил, знает ли он её. После паузы Томас признался, что однажды видел её снаружи, и назвал имя, которое теперь мало кто решался произнести ей в лицо. — Наташан.

Несколько мужчин поблизости отложили приборы. Томас отказался отвечать на их вопросы по одному. Сказал лишь, что несколько месяцев перевозил грузы для сети. Когда со склада исчезла часть партии, двое посредников и начальник смены начали обвинять друг друга. Аурлин приехала и пробыла там меньше десяти минут. Спора не было, и она ни к кому не прикоснулась. На следующее утро и на складе, и на маршруте работали уже новые люди. Имена всех троих, отвечавших за передачу, исчезли из каждой накладной.

— Я не знаю, куда они делись, и никогда не хотел знать. — Томас поднял чашку и установил её на край. — На третий день я вернул всё, что смог, и ушёл с маршрута. Меня никто не остановил. Мне этого было достаточно.

Кто-то всё ещё считал его осторожность чрезмерной и спросил, насколько страшными вообще могут быть несколько слов. Томас спокойно посмотрел молодому мужчине в глаза, совершенно не стесняясь собственного страха. — Я дожил до сорока шести потому, что не доказывал свою храбрость опасным людям. За столом стало тихо; даже самый настойчивый собеседник опустил взгляд на остывающую еду.

После обеда история изменилась с невероятной скоростью. Десятиминутная чистка превратилась в многочасовую перестрелку, а к трём исчезнувшим мужчинам добавили больше десятка трупов. У двора Томас услышал, как двое молодых заключённых в подробностях пересказывают новую версию, и посоветовал им писать романы. Один указал на Аурлин, приближавшуюся с другой стороны двора, и предложил Томасу самому поздороваться с ней.

Томас спорить не стал. Он просто свернул в более дальний проход. Когда парень засмеялся, что даже он обходит её стороной, Томас остановился, оставляя перед ним самый короткий маршрут. — Хочешь услышать, что она скажет, — иди спроси сам.

Улыбка на лице парня осталась, а ноги — нет. Он так и не двинулся с места. Аурлин прошла в нескольких ярдах, не обратив внимания ни на одного из них. Томас дождался, пока она уйдёт, и лишь тогда продолжил путь. На этот раз молодой заключённый не задал ему больше ни одного вопроса. Рурк наблюдал всю сцену издалека и почти превратил её в новый материал для шуток, но, оглянувшись, увидел, что Уэски расставляет шахматные фигуры. Он проглотил и шутку, и вопрос.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ты заслуживаешь смерти больше, чем я

После вечернего отдыха заключённых группами возвращали в блоки. Коридор между прачечной и главным корпусом был узким, с решётками по обе стороны. Потасовка на верхнем ярусе отвлекла одного офицера с поста, и очередь застряла у поворота на несколько минут. Аурлин стояла ближе к концу, пока несколько мужчин впереди вполголоса обсуждали ужин. Навстречу подходила другая группа.

Её возглавлял Мерсер. Увидев Аурлин издалека, он замедлился. Двое мужчин рядом заметили его выражение и посмотрели вперёд. Один что-то пробормотал. Мерсер улыбнулся, не отрывая от Аурлин взгляда, пока расстояние сокращалось.

Сопровождавший офицер заметил его намеренно медленный шаг и приказал идти дальше. Мерсер согласился, всё ещё посмеиваясь, и заявил, что просто смотрит. Офицеру было не до перепалки. Он ударил ладонью по дубинке на поясе и велел всей колонне двигаться.

Когда группы поравнялись, Мерсер повернул голову. — Демон.

Аурлин не подняла глаз. Он прошёл ещё два шага, оглянулся и увидел, что приятели по-прежнему смеются. Возможно, их веселье сделало отступление для него невозможным. Он вдруг шагнул назад и схватил Аурлин за волосы сзади.

Она развернулась ещё до завершения движения. Локоть ударил его в челюсть, голова дёрнулась назад, хватка разжалась. Аурлин схватила Мерсера за ворот и впечатала в решётку. Затылок с глухим звуком ударился о металл. Один из его приятелей рефлекторно протянул руки, пытаясь оттащить её. Колено Аурлин вошло ему в живот, и мужчина согнулся пополам. Последний выругался и замахнулся кулаком.

Аурлин ушла в сторону, кулак лишь скользнул по плечу. Мерсер снова бросился на неё. Коридор был слишком узким, чтобы кто-то мог далеко отступить. Она сделала полшага назад, использовала его собственный разгон, потянула в сторону и ударила ногой по внешней стороне колена. Равновесие исчезло. В тот миг, когда одно колено коснулось пола, Аурлин перехватила его голову и с силой опустила вниз.

Первый удар был тяжёлым. Мерсер выругался и закрыл лицо руками. Аурлин отдёрнула одно запястье и ударила. У носа появилась кровь. Второй кулак пришёлся в угол рта. Когда Мерсер попытался перевернуться, она прижала его за пояс коленом и не оставила пространства, чтобы подняться.

Офицеры уже почти добежали. — Верчили! Прекратить!

Она словно не услышала. Последовал ещё один удар.

Первый офицер схватил её за плечо и попытался оттащить. Аурлин отбросила его так резко, что он едва не врезался в решётку. Второй зафиксировал одну её руку сзади. Тело отодвинулось всего на несколько дюймов, зато нога ударила Мерсера в рёбра. Он уже не мог поднять руки. Кровь текла из носа и рта, дыхание выходило рваными, короткими порциями.

— Хватит! Он уже лежит!

Аурлин всё равно рвалась вперёд. С другого конца коридора подоспел третий офицер, и только втроём они смогли оттащить её. Подошвы скребли по полу, пока она пыталась снова сократить расстояние. Лишь когда обе руки оказались заведены за спину, а плечи прижали к решётке, она наконец остановилась.

В коридоре внезапно воцарилась тишина. Двое приятелей Мерсера вжались в стену, один всё ещё держался за живот. Ни один не рискнул приблизиться. Офицер опустил рядом с Мерсером и проверил дыхание, другой вызвал медиков.

На щеке Аурлин осталась кровь. Она сделала несколько вдохов. Когда дыхание выровнялось, провела тыльной стороной ладони по лицу. Красная полоса размазалась по костяшкам, немного осталось у губ.

Она посмотрела вниз на Мерсера. — Ты заслуживаешь смерти больше, чем я. Голос был тихим. Ни один из удерживавших её офицеров ничего не сказал.

К тому времени, когда появился Эллис, медики уже приближались с каталкой. Он посмотрел на мужчину на полу, затем на Аурлин, прижатую к решётке, и лицо его стало жёстким. — Уведите её.

Конвой только успел оттянуть её от стены, когда Аурлин засмеялась. Звук был тихим.

Несколько мужчин одновременно повернули головы. Она засмеялась снова — руки заведены за спину, на плечи всё ещё давят. Смех стал отчётливее. По мере того как он продолжался, дыхание Аурлин сбивалось, а полоса крови у губ растянулась вместе с улыбкой. Эллис наблюдал с расстояния в несколько шагов. — Хватит.

Аурлин проигнорировала его. Молодой заключённый неподалёку пробормотал, что она ненормальная. Мужчина рядом тут же ударил его по руке и велел заткнуться, пока она не обернулась. Аурлин явно слышала. Смех продолжался ещё некоторое время, и молодой мужчина без единого слова прижался спиной к решётке.

Эллис подошёл ближе и тихо приказал конвою увести её. Аурлин не оглянулась, когда её повели вперёд. Мерсер остался на полу в окружении медиков. Мужчины по обе стороны коридора сами отступили, освобождая конвою непривычно широкий проход.

В ту ночь Мерсера перевезли во внешнюю больницу. В Грейвенхёрсте ввели полный локдаун.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Полная изоляция

Полная изоляция продлился до следующего дня. Все общие мероприятия отменили. Еду развозили по блокам по сменам, прачечная и тренажёрные комнаты оставались закрыты. Обыски в камерах начались утром и тянулись до второй половины дня. Матрасы, шкафчики и пространства под раковинами переворачивали. На этот раз сотрудники изымали даже мелочи, на которые обычно закрывали глаза. С самого утра мужчины ругались и били по дверям. Поначалу офицеры им отвечали. Позже только стучали дубинками по решёткам и советовали беречь силы.

Рурк устроился у двери своей камеры и с удовольствием наблюдал за происходящим. Когда мужчина неподалёку снова начал орать из-за обыска, он рассмеялся. — Всё начал Мерсер, а заперли вместе с ним нас всех. Надо было затолкать его обратно в колонну ещё до того, как это случилось.

С противоположной стороны коридора сразу ответили: — Легко тебе говорить. Эта женщина чуть его не убила. Кто бы полез её останавливать?

— Я имел в виду до того, как он схватил её.

— Вчера ты не был таким умным.

По коридору прокатился смех. Кто-то через несколько камер спросил, умер ли Мерсер. Мужчина с лучшими источниками сказал, что тот ещё не приходил в сознание, и настроение сразу стало тише. Через мгновение другой заключённый пробормотал: — Она избила его до такого состояния из-за одного рывка за волосы. Это уже перебор.

Рурк посмотрел в сторону голоса. — Обсудишь с ней разумные пределы, когда она вернётся.

Мужчина молчал две секунды, потом выругался. — Я не псих.

Смех возобновился, но ненадолго. Вскоре после полудня из внешней больницы пришёл предварительный отчёт. У Мерсера диагностировали черепно-мозговую травму, два сломанных ребра, множество швов на лице и такой сильный отёк, что правый глаз почти полностью закрылся. Самый опасный этап он пережил, но всё ещё оставался без сознания. Когда новость разошлась по блокам, мужчины, шутившие утром, заметно притихли.

Томас закончил обедать в камере и собирался подвинуть поднос к двери, когда сосед заговорил через стену: — Ты работал на одном из маршрутов Наташан. Она и снаружи была такой?

Томас поставил поднос и обдумал вопрос. — Я знал её недостаточно хорошо, чтобы ответить.

— Но ты ведь должен знать, психованная она или нет.

— Я знаю, что перед тем, как трогать её, полезно подумать. — Томас откинулся на койку. Когда сосед попытался продолжить, он оборвал его: — Если тебе настолько интересно, спроси её сам, когда выйдет. Хватит обращаться со мной как с энциклопедией только потому, что между нами стена.

После короткой тишины пришёл ответ: — Ладно, забудь. Я хотел бы пожить ещё несколько лет.

Томас улыбнулся про себя и больше к теме не возвращался.

В три часа дня на столе в административной переговорной лежали медицинский отчёт из внешней больницы, письменные показания трёх дежуривших офицеров и дисциплинарные

материалы по происшествию в коридоре. Эллис с самого утра был в отвратительном настроении. Он открыл одно из заявлений и прижал палец к строке посередине страницы.

— Здесь ясно написано: Мерсер схватил её за волосы со спины, двое мужчин рядом с ним тоже двинулись к ней. К моменту прибытия первого офицера Мерсер уже лежал на полу. Второй помог зафиксировать Верчили, а она продолжала наносить удары. Полностью оттащить её смогли только после того, как добежал третий сотрудник.

Харрис изучил свои бумаги и ответил: — Мерсер тоже получит нарушение, когда очнётся. Только не путай это с оправданием. Мне нужен полный отчёт.

Эллис посмотрел на него. — Мне всё равно, сколько взысканий ему выпишут. Я хочу знать, чем мы будем удерживать её в следующий раз. Дополнительный срок для человека, приговорённого к смерти, ничего не значит. Условно-досрочное освобождение её не касается. Посадим в изоляцию, отнимем активности — она, похоже, даже жаловаться не станет.

Директор медчасти перевернула страницу с перечнем травм Мерсера. В отличие от обоих мужчин, говорила она спокойно. — Характер травм и свидетельские показания показывают чёткую картину продолженного нападения. Когнитивные функции сохранены, признаков психоза на данный момент нет. Она понимала, что делает.

Пальцы заместителя начальника тюрьмы замерли на столе. — То есть она понимала, что Мерсер уже не способен защищаться?

— Судя по материалам — да.

На несколько секунд в комнате стало тихо.

Харрис положил ручку. — Семь дней в изолированном режиме. Когда общие мероприятия возобновятся, уменьшаем число участников и увеличиваем количество офицеров. Проводим новую оценку риска и прикладываем полное описание действий Мерсера. Программа уже запущена. Мы не можем закрыть её после первого серьёзного происшествия.

Эллис нахмурился. — Через семь дней ты собираешься вернуть её в общую зону?

— При других условиях. Если у тебя есть более практичный вариант, предлагай. Я слушаю.

Они смотрели друг на друга, пока начальник тюрьмы не приказал прекратить. — Семь дней. Сократить число участников, изменить маршрут и схему сопровождения. Любой, кто продолжает воспринимать её как обычную участницу пилотной программы, может отработать смену в северном крыле. Что касается Мерсера — ждём новостей из больницы.

На этом совещание закончилось.

Тем же днём Аурлин перевели в изолированную камеру. Когда дверь закрылась, она осмотрела койку, раковину и маленькое окно под потолком. Положила выданное одеяло в ногах матраса и села. Никто не услышал ни жалобы, ни вопроса о том, сколько продлится ограничение. Когда принесли ужин, она поела как обычно, вернула поднос к двери и легла.

Вечером шестого дня под её дверь просунули судебный документ. Аурлин дождалась, пока шаги в коридоре стихнут, и только потом подняла его. Медленно прочитала от первой страницы до последней. Пересмотр смертного приговора перешёл на следующую стадию. Назначили новую дату слушания, а адвокату дали срок на подачу дополнительных материалов. Аурлин сложила бумаги, оставила их в углу стола, вымыла руки и лицо и вернулась на койку, больше к документам не прикасаясь.

Утром седьмого дня дежурный начальник пришёл зачитать приказ о восстановлении прежнего режима и предупредить, что дополнительные сотрудники и ограничения на перемещение пока сохраняются. Закончив, он подождал. Аурлин слегка кивнула, и дверь открыли.

В полдень она снова вошла в столовую. Мужчины вдоль прохода подбирали ноги, когда она приближалась. Некоторые переносили подносы на другие места. Даже те, кто громче всех

свистел в день её прибытия, теперь смотрели издалека и не приближались. Аурлин прошла между ними, нашла пустой стол и начала есть.

Уэски сидел у стены. Рурк проследил за его взглядом и понизил голос: — Быстрее учатся, чем я ожидал.

Уэски поставил чашку. — Мерсер оплатил им обучение.

Рурк рассмеялся и отвернулся.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Молчание

Свет в изоляторе включали каждое утро в шесть. Приёмы пищи, проверки и отбой шли по неизменному расписанию. Аурлин почти не смотрела на часы и ни разу не спросила, сколько дней осталось. Она завтракала, возвращала поднос к двери, умывалась и снова садилась или ложилась на койку. Иногда лежала, иногда сидела, прислонившись к стене. Телевизора в камере не было, книги ей ещё не выдавали. В дверь она никогда не стучала.

На третий день после обеда вошла доктор Мур с планшетом. Она придвинула стул, но не стала начинать с вопросов об эмоциональном состоянии Аурлин. Вместо этого осмотрела следы на её запястьях, которые уже почти исчезли.

— Руки ещё болят?

Аурлин покачала головой.

— Головные боли, тошнота, внезапные пробуждения посреди сна?

На этот раз ответа не было.

Доктор Мур подождала несколько секунд и сделала запись. — Хорошо. Если не хотите говорить, оставим пустым. Сегодня мне нужно только убедиться, что с физическим состоянием всё в порядке. Об остальном можете говорить столько, сколько захотите. Или не говорить вовсе.

Аурлин смотрела на узкую полоску света у окна, не поворачивая головы.

— Вы едите, медицинские показатели нормальные. Сегодня утром снова связывался ваш адвокат. Он просит телефонный разговор. Хотите принять звонок?

Только тогда Аурлин слегка покачала головой.

— Хорошо. Я ему передам.

Мур сделала пометку и позволила тишине продлиться ещё немного, прежде чем спросила: — В данный момент вы намерены причинить себе вред?

В комнате слышалось лишь слабое движение воздуха в вентиляции.

Она не стала давить и не переформулировала вопрос. Подождав, Мур оставила поле пустым и положила ручку. — Я понимаю, что вы не любите разговаривать. Я не собираюсь каждый день сидеть здесь и вытягивать из вас по несколько слов. Если станет физически плохо или почувствуете, что можете причинить кому-то вред, скажите дежурному. Этого достаточно.

Аурлин на неё не посмотрела.

Мур откинулась на спинку стула и улыбнулась какому-то воспоминанию. — Когда-то у меня был заключённый, который на каждой оценке двадцать минут меня проклинал, а потом спрашивал, во сколько я приду на следующей неделе. С вами я даже не знаю, чем заполнить полчаса.

Она подождала две секунды. Аурлин даже не подняла век. Мур со вздохом собрала вещи. — Ладно. Вы победили.

После того как дверь закрылась, вернулась тишина. Четвёртый, пятый и шестой дни почти ничем не отличались друг от друга. Поначалу люди, приносящие еду, отпускали случайные замечания. Не получив ни одного ответа, постепенно перестали. В последний вечер дежурный сообщил, что на следующее утро ей снова разрешат ограниченную активность. С улыбкой добавил, что наконец можно будет подышать воздухом. Аурлин слушала, сидя на краю койки, не меняя позы.

Мужчина постоял ещё немного, решил, что комментарий был бессмысленным, и закрыл дверь.

На следующее утро она встала, поела, умылась и стала ждать, когда офицеры откроют камеру.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ей не от чего прятаться

В тот день в закрытой комнате отдыха находилась лишь половина обычного числа заключённых. Аурлин выбрала старый роман с самой дальней полки и села у окна, почти не двигаясь. Двое мужчин неподалёку разговаривали. Один унёс чашку за другой стол, второй без всякого приказа понизил голос.

На противоположном конце комнаты Уэски и Рурк играли в шахматы. Заметив Аурлин, Рурк сказал, что даже разговоры во всём помещении стали тише. Уэски велел смотреть на доску. Рурк заявил, что всего лишь бережёт свою жизнь, после чего обнаружил, что уже потерял фигуру, выругался и начал искать новый ход.

Через десять минут у тренажёров двое заключённых подрались из-за карточного долга. Стулья и столы несколько раз проехали по полу со скрежетом. Один мужчина пошатнулся и врезался в угол стола Аурлин, опрокинув чашку и промочив ей рукав. Она подняла книгу выше воды и продолжила читать, даже не сдвинув стул.

Из рукава одного из дерущихся выпал заточенный кусок металла и остановился рядом с её ботинком. Все вокруг отступили. Офицеры приказали никому не двигаться. Аурлин посмотрела вниз лишь настолько, чтобы понять, где лежит предмет, убрала ногу и перевернула страницу. Шахматная фигура Рурка застыла над доской. Уэски тоже перестал двигаться. Оба видели: ни дыхание Аурлин, ни ритм чтения не изменились.

Офицеры быстро скрутили драчунов, забрали оружие руками в перчатках и приказали всем встать у стены для досмотра. Только тогда Аурлин закрыла книгу и заняла отведённое место. Мокрый рукав прилип к руке, но поправлять его она не стала.

По дороге назад Рурк смотрел на Аурлин, и привычная улыбка исчезла с его лица. Он видел мужчин, изображавших смелость, и тех, кто разыгрывал равнодушие к смерти. Но не мог вспомнить ничего похожего на выражение Аурлин. Уэски молчал, пока они почти не дошли до развилки северного крыла. — Ей не от чего прятаться.

Рурк не спросил, что он имел в виду. Аурлин уже ушла за сотрудницей в другой коридор; старый роман висел у бедра, а промокший рукав под лампами казался почти чёрным.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Николь

Дерек Кесслер поднялся посреди обеда. Оставив поднос, он достал из формы фотографию, которую складывали уже много раз. Мужчина рядом увидел побелевшие костяшки его пальцев, схватил за рукав и предупредил: если он собирается только поговорить, пусть хотя бы держит голос под контролем. Дерек вырвался, пообещал, что не станет трогать Аурлин, пересёк два ряда столов и остановился перед ней.

Он положил фотографию рядом с её подносом и попросил посмотреть. Аурлин не подняла головы, пока Дерек не произнёс её имя. Тогда взгляд опустил на снимок. Девушка стояла на пляже, ветер спутывал волосы. Рядом виднелась половина собаки — остальное обрезал край фотографии, четыре угла которой уже истёрлись добела.

— Николь. Моя сестра. — Дерек держался за спинку стула. Несколько раз сглотнул, прежде чем продолжить. Николь впервые попробовала Кореган в девятнадцать, умерла в двадцать один. Училась на медсестру. Математику переносила ужасно и после каждого проваленного предмета могла плакать всю ночь, но утром всё равно снова садилась за учебники. Последние полгода она перестала узнавать семью. Их мать днём работала, а ночью сидела у её кровати. Прошло восемь лет, а простыни и старые туфли в комнате Николь до сих пор лежали ровно там, где были в день, когда она ушла.

Аурлин выслушала и снова опустила голову к еде. Дерек долго стоял возле стола, дыша всё тяжелее. Он спросил, знает ли она, сколько людей погибло, и потратила ли хоть одну минуту на мысли о семьях, которые годами не трогают комнаты своих детей. Разговоры вокруг постепенно стихли. Дежурный офицер начал следить за ними. Аурлин не дала Дереку ни капли раскаяния, за которым он пришёл.

Он подвинул фотографию ещё ближе, голос стал хриплым. — Скажи хоть что-нибудь. Если больше ничего нет — скажи, чтобы я не лез не в своё дело.

Аурлин наконец подняла глаза и несколько секунд изучала его лицо. — Я её не знала.

Глаза Дерекса мгновенно покраснели. Разумеется, он знал, что она никогда не знала Николь. Он принёс фотографию, потому что хотел увидеть хотя бы тень сожаления. Её ответ лишь вернул ему восемь лет боли. Он ударил ладонью по столу и потребовал объяснить, почему такой человек, как она, до сих пор жив. Вилка Аурлин на мгновение остановилась, затем снова опустилась к подносу.

Он сорвался без предупреждения. Наклонился и плюнул ей в лицо. Вокруг раздались ругательства, офицеры бросились от входа. Аурлин не отвернулась. Слюна попала на щёку и уголок рта. Она медленно вытерла лицо рукавом и один раз посмотрела на Дерекса. Его плечи напряглись, словно он уже приготовился к тому же, что случилось с Мерсером.

Она не напала. Подняла поднос и обошла стол. Офицер схватил Дерекса за плечи и оттащил назад. Он вырвался и кричал вслед Аурлин, что она даже не человек. Её шаг не изменился. Дерек резко развернулся, схватил фотографию со стола и сжал её так сильно, что на одном из прежде ровных углов появилась новая складка.

Рурк проводил Аурлин взглядом до выхода из столовой и тихо заметил, что ей, похоже, действительно всё равно. Уэски не стал отвечать за неё. Он один раз посмотрел на старую фотографию в руке Дерекса и продолжил есть уже остывший обед.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Демона никто не трогает

К обеду столовая быстро заполнилась. Когда вошла Аурлин, заключённые вдоль прохода подобрали ноги и задвинули разбросанные стулья под столы. Каждое движение по отдельности выглядело случайным, но вместе они образовали перед ней свободную дорогу ещё до того, как она подошла ближе.

Волосы она небрежно собрала сзади, оставив несколько прядей на лбу. Слишком большая форма всё равно не могла скрыть ни её роста, ни чётких линий плеч и шеи. Мужчины за несколькими столами провожали её глазами и поспешно отводили взгляд, стоило ей поднять голову. За столом у стены один тихо пожаловался, что всегда представлял Демона мужчиной средних лет со шрамами. Когда видишь такое лицо, опасность забывается слишком легко.

Приятель стукнул вилкой по его подносу и напомнил, что Мерсер до сих пор лежит во внешней больнице. Мужчина тут же сказал, что собирался только посмотреть. Друг рассмеялся. — Так говорит каждый идиот перед тем, как протянуть руки. Если хочешь попробовать — сначала отодвинь еду. Не хочу, чтобы на меня что-нибудь брызнуло. Мужчина выругался, но послушно остался за своим стулом.

Аурлин выбрала пустой стол и начала есть. Люди продолжали обсуждать её внешность; кто-то говорил пошлости настолько тихо, чтобы слышали только соседи. Но стоило Аурлин действительно приблизиться, как голоса умолкали сами собой. Она ни на что не реагировала и всего дважды подняла чашку.

Через три ряда Рурк проследил за взглядом Уэски и улыбнулся. — Вся тюрьма уже успела что-нибудь сказать о её лице, кроме тебя. У тебя глаза какие-то другие?

Уэски посмотрел, как Аурлин поворачивается, чтобы сделать глоток. Холодный белый свет подчеркнул тонкий шрам у виска и чёткую линию челюсти. Он отвёл взгляд. — Она красивая.

Рурк уставился на него, а потом расхохотался так, что плечи заходили ходуном; такого признания он явно не ожидал. Уэски поставил чашку и напомнил, что вопрос получил ответ. Пора заканчивать обед.

Ближе к концу приёма пищи санитар в серой медицинской форме провёз между столами тележку. Остановившись за спиной Аурлин, он сверился с часами и номером в планшете, после чего спросил дежурного офицера, остаётся ли у неё на сегодня плановый осмотр. Офицер проверил список и сказал, что никакой записи у Аурлин нет. Санитар улыбнулся, объяснил, что перепутал имя, закрепил планшет на тележке и вышел через служебную дверь.

Уэски смотрел ему вслед, пока тележка не исчезла и дверь не закрылась. Рурк заметил это и спросил, с каких пор Уэски интересуется расписанием медчасти. Тот допил воду и ответил только, что мужчина пришёл не с той стороны. Медицинские тележки никогда не пользовались восточным служебным входом. Улыбка Рурка исчезла. Когда он снова посмотрел туда, коридор уже был пуст.

Аурлин понесла поднос к стойке возврата. Проходя мимо двери, она коротко взглянула на незапертый коридор. Не остановилась и не спросила о санитаре, однако пальцы на мгновение сильнее сжали край подноса. Уэски заметил это движение и понял: она тоже запомнила его.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Китти

Аурлин вошла в зал через десять минут после начала дневного отдыха. Место у окна было освобождено. На столе не осталось ни чашки, ни шахматной коробки, ни брошенной газеты; даже постоянные игроки в карты перебрались на другую сторону. Она села с книгой. Скрежет стула будто сразу понизил громкость ближайших разговоров.

Уэски взял шахматы из шкафа с инвентарём, окинул комнату взглядом и направился прямо к этому столу. Рурк шёл следом, пока не увидел, как Уэски выдвигает стул по диагонали от Аурлин. Он замедлился. Не спрашивая, что тот задумал, тихо выругался и переставил свой стул с внешней стороны, оставляя свободный путь на случай неприятностей.

Аурлин не подняла глаз, когда фигуры легли на доску. Она перевернула страницу и оставила пальцы у края, словно ни двух мужчин, ни внимания окружающих не существовало. Рурк расставлял свои фигуры, продолжая поглядывать на неё, пока Уэски не постучал по доске. — Твой ход. Продолжишь так пялиться — люди решат, что хочешь с ней поговорить.

— Я проверяю, не возражает ли она. — Рурк говорил тихо и с необычайной осторожностью передвинул фигуру. — Если возражает, ты сидишь ближе. Прикрой меня.

Уэски тут же забрал его фигуру. — То, что ты каждый день столько говоришь и всё ещё жив, скорее всего, вообще никак со мной не связано.

Рурк увидел брешь в защите и наконец вернул внимание доске. Обвинил Уэски в том, что тот воспользовался отвлечением, и быстро начал перестраивать позицию. Через несколько ходов люди стали возвращаться за соседние столы. Слишком близко никто не садился, а разговоры старательно обходили Аурлин. В этой части комнаты всё равно оставалось тише обычного.

Позади неё остановился новый заключённый с чашкой. Узнав её, он натянуто улыбнулся, хотя взгляд оставался прикован к профилю Аурлин. Рурк ничего не сказал. Только легко коснулся шахматной фигурой тыльной стороны ладони Уэски.

Уэски обернулся. — Проход слева от тебя.

Мужчина неловко рассмеялся и сказал, что просто проходит мимо, но с места не сдвинулся. Уэски положил фигуру и посмотрел сначала ему в лицо, затем на руку, оказавшуюся слишком близко к стулу Аурлин. Наконец мужчина понял. Обогнул угол стола с чашкой и быстро затерялся в комнате.

Аурлин так и не подняла глаз. Когда шаги стихли, она перевернула страницу и слегка прижала большим пальцем корешок. Уэски заметил, но не упомянул ни мужчину, ни необходимость благодарить его. Просто вернулся к доске.

Рурк видел всё, и на лице постепенно расплзлась улыбка. Выдержав целых два хода, он тихо пробормотал: — Может, Китти и правда не такое уж случайное имя. Хорошо охраняешь свою территорию.

Взгляда Уэски оказалось достаточно. Рурк благоразумно закрыл рот и изобразил, будто застёгивает на губах молнию. Меньше чем через тридцать секунд он выругался из-за ошибочного хода. На слове «Китти» страница Аурлин на мгновение остановилась. Потом она продолжила читать, не показав, запомнила ли имя.

Когда звонок объявил конец отдыха, Аурлин первой закрыла книгу и ушла от стола. Другие заключённые приблизились лишь после её ухода, будто только что заметили свободные стулья. Пока Уэски складывал фигуры, Рурк посмотрел ей вслед и заметил, что по крайней мере она их не прогнала.

— Она нас и не приглашала. — Уэски закрыл коробку и сунул её Рурку в руки. — Завтра садись здесь один. Хватит ходить за мной.

Рурк прижал коробку к груди и пошёл следом с широкой улыбкой. Он прекрасно понимал: этот ответ означает, что завтра Уэски снова сядет за тот же стол. И так же прекрасно понимал, что вслух это произносить не стоит, поэтому до самого блока сопровождал его в редком молчании.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Имя тебе подходит

На третий день в экспериментальном блоке Бреннану надоело слушать про Демона. Стычку с Дарнеллом он пропустил и не видел, как уносили Мерсера. Каждая версия приходила из чужих уст. Один описывал драку как казнь; другой уверял, что любой, на кого посмотрит Аурлин, исчезает той же ночью. Чем невероятнее становились истории, тем сильнее Бреннан убеждался, что весь ярус просто сговорился пугать новичков.

Во время дневного отдыха он прислонился к стойке с водой и увидел, как Аурлин идёт к ней с чашкой. Улыбнулся мужчине рядом. — Это она?

Тот наполнил чашку, посоветовал Бреннану не загораживать проход и ушёл, явно не настолько заинтересованный, чтобы остаться ради представления.

Бреннан продолжил занимать половину пространства перед кулером. Он разглядывал лицо Аурлин и нарочито непринуждённым голосом заметил, что она совсем не похожа на Демона из его воображения. Мужчины, ожидавшие позади, шутку не поддержали. Вместо этого молча отступили, пока на открытом месте не остались только они двое.

Аурлин остановилась в нескольких шагах и посмотрела на него. Она не потянулась к цепи на талии и не показала злости. Холодные глаза просто остановились на лице Бреннана, ожидая, когда препятствие уберётся само. Разговоры вокруг постепенно стихли. Никто её не торопил. Никто не подсказывал Бреннану, что делать.

Приготовленная шутка застряла у него в горле. Первые несколько секунд он ещё удерживал улыбку, но шея и плечи постепенно напряглись. Пластиковый стакан тихо хрустнул в пальцах. Во взгляде Аурлин не было никакой видимой угрозы, и всё же он не отводился. Бреннан сглотнул и наконец сделал полшага в сторону, полностью освобождая доступ к воде.

Аурлин наполнила чашку, будто никакого противостояния не было. Когда зашумела вода, мужчина, прежде предупредивший Бреннана, заметил с нескольких шагов: — Очень вежливо. Непонятно было, кого именно он имел в виду. Вокруг с трудом сдерживали смех. Бреннан велел всем заткнуться. Чем настойчивее он повторял, что просто решил не перекрывать дорогу, тем хуже окружающие справлялись с собой.

Аурлин ушла, не сказав ни слова. Бреннан остался у кулера с мрачным лицом и выпил половину воды. В конце концов он так и не рискнул пойти за ней и вернуть уязвлённую гордость.

Уэски наблюдал всю сцену с края двора. Когда появился Рурк, ему хватило одного взгляда на лицо Бреннана, чтобы понять, что произошло. Уэски не стал пересказывать. Просто смотрел, как новенький терпит пародии на своё отступление, пока Рурк не расхохотался так, что едва не выронил шахматную коробку. Аурлин уже сидела в дальнем конце скамьи, опустив глаза к чашке с водой и полностью игнорируя причину общего веселья.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Первые слова

В тот день в комнате отдыха было тише обычного. Аурлин сидела у окна с раскрытой на коленях книгой. Солнечный свет, рассеянный металлической сеткой, ложился узкими полосами на перевязанное запястье. За соседними столами места были заняты, но стул рядом с ней оставался пустым.

После одного из сменных звонков она поднялась за водой, и лежавшая у ноги книга соскользнула на пол. Ударилась о плитку и остановилась у ботинка Уэски. Он наклонился, поднял её, большим пальцем стёр пыль с уголка и протянул Аурлин, когда она вернулась. — Ты уронила.

Она посмотрела на книгу, затем на него. Будто заново вспоминая, как вообще говорят, сделала паузу и хрипло произнесла: — Спасибо.

Уэски кивнул и убрал руку. Не спросил имени и не стал растягивать встречу. Вернулся на свой стул и раскрыл старый журнал, который уже несколько раз читал.

Молодой заключённый неподалёку услышал эти два слова. Он подошёл с чашкой и рассмеялся, сказав, что Уэски только что упустил возможность обеспечить всему ярусу развлечения на целую ночь. Уэски прижал угол журнала и позволил ему договорить, даже не подняв глаз. Ответа не последовало, и мужчина вскоре ушёл.

Перед ужином Рурк догнал Уэски в другом коридоре с совершенно прозрачной улыбкой. Дождался, пока они пройдут дежурный пост, и слегка толкнул его локтем. — Не переживай, спрашивать не буду. Всё здание уже запомнило это «спасибо» за тебя.

— У неё упала книга. Я поднял. Всё. — Уэски посмотрел на него, не замедляя шага.

Рурк с величайшей серьёзностью кивнул и упомянул слух, будто после этого Уэски держал журнал вверх ногами. Когда Уэски повернулся, Рурк уже успел отступить на безопасное расстояние, подняв обе руки и заявляя, что лишь передаёт услышанное.

Вернувшись в блок, Рурк подсунул под шахматную коробку старый клочок бумаги со словом «КИТТИ». Уэски вытащил его, скомкал и бросил прямо в свою чашку. Бумага медленно размокала и распадалась в воде. Рурк наблюдал, беззвучно смеясь и тряся плечами, а Уэски придвинул к себе доску так, будто ничего не произошло.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Останься

Новое судебное уведомление пришло в северное крыло в четверг утром. Аурлин только закончила плановый осмотр, когда дежурная сотрудница остановила её возле камеры. Рядом стоял администратор со стопкой документов. Он сверил браслет и после проверки безопасности просунул в передаточное окно белый конверт. Первоначальную печать уже заменили, в правом верхнем углу стояла дата, а листы внутри оставались почти идеально ровными.

Подписывая журнал, администратор напомнил, что на три часа дня назначен звонок адвоката. Если Аурлин хочет отказаться, об этом нужно сказать сейчас. Она взяла конверт и покачала головой. Сотрудница закрыла окно, велела быть готовой к трём и вернула её в камеру, где ещё не забрали завтрак.

Аурлин не стала сразу вскрывать конверт. Сначала села и поела, разламывая хлеб и медленно съедая половину, затем выпила немного воды. В дальнем конце коридора кто-то спорил с медсестрой из-за лекарств, и голос разносился через несколько дверей. Только когда спор закончился, Аурлин положила конверт на колени и разорвала заменённую печать.

На первой странице стояли номер дела и название суда. Она продолжила читать. Пересмотр смертного приговора продлевался, действующий график исполнения отменялся, защите предоставлялся новый срок для подачи дополнительных материалов. После следующего этапа проверки суд должен был решить, назначать ли ещё одно слушание. В более ранних документах указывался примерный график. В этом новой даты исполнения не было — только несколько процессуальных сроков в конце.

Глаза Аурлин остановились на пустом поле. Завтрак остывал. Она снова прочитала последнюю страницу, прижала кончик пальца к пустой строке и отпустила. За дверью тележка с едой пересекла порог, и металл тихо задрожал. Аурлин посмотрела в сторону двери, дождалась, пока звук исчезнет, сложила бумаги и оставила их на углу стола, после чего закончила есть.

За обедом она съела меньше обычного. Офицер, забиравший подносы, увидел, что больше половины миски осталось нетронутой. — Живот болит?

Аурлин покачала головой.

— Еда не нравится?

Она не шевельнулась. Офицер посмотрел на тарелку и забрал поднос. — Ладно. Сегодня оставим. Если вечером снова так сделаешь, отправлю в медчасть.

В 14:50 камеру открыли. Аурлин пошла за офицером по северному коридору. Когда они проходили центральный контроль, с работы возвращалась группа мужчин-заклужённых. Колонны разделяла металлическая решётка, обе стороны замедлились, чтобы проходить по очереди. Аурлин стояла у стены и быстро узнала три лица.

Первый мужчина когда-то возил партии по южному маршруту. Лично он встречался с ней всего несколько раз, зато его имя часто появлялось в отчётах. За ним шёл бывший подчинённый посредника, занимавшегося отмыванием денег, а дальше — человек, который подбирал склады для одного из периферийных дилеров Кортегана. В Грейвенхёрсте было немало таких мужчин. Кто-то напрямую имел дело с её бизнесом, кто-то находился на несколько звеньев дальше, а кто-то знал Наташан только по преступному миру.

Они тоже её узнали. Мужчина, который только что разговаривал, замолчал. Его спутник проследил за взглядом и изменился в лице. Ни один не поздоровался. Когда открылась кон-

трольная дверь, они опустили головы и прошли дальше, словно мимо обычной заключённой. Аурлин не оглянулась.

В маленькой комнате для разговоров была закреплённая мебель и телефон под наблюдением. Проверив линию, офицер подвинул трубку к ней и отошёл к двери. Аурлин подняла её.

Несколько секунд на другом конце шуршали бумаги. Голос адвоката звучал слегка хрипло, будто он только что вышел с совещания. — Судебное уведомление видела?

— Да.

— Полагаю, прочитала каждое слово. — Он сделал паузу. — Я не стану пересказывать бесполезные части. Старый график больше не действует, пересмотр продолжается. Нам дали ещё один срок для подачи. У меня остались материалы, которые нужно внести в дело. После этого ждём, что назначит суд.

Аурлин прижала палец к телефонному шнуру. — Сколько?

Адвокат ответил не сразу. — Честного ответа на это нет. Может быть три месяца. Может шесть. Если откроют новое слушание, всё затянется гораздо дольше. Любая дата, которую я сейчас назову, будет ложью.

Аурлин замолчала.

Он ожидал этого и продолжил, не подталкивая её. — Я запросил доступ к части закрытых материалов. Прокуратура пока не ответила. Буду использовать все доступные процессуальные пути. Тебе не обязательно сотрудничать со мной каждый день, но отвечай на звонки, когда они приходят. Я не могу бесконечно работать только с делом, когда человек внутри него ничего мне не говорит.

Она не отвечала, пока он снова не назвал её имя. Короткое «Я здесь» показало, что связь не пропала. Потеряв терпение к этой привычке, он спросил, сколько она вообще услышала. Палец Аурлин всё ещё лежал на шнуре. Она сказала, что слышала всё.

Он спросил, есть ли ещё вопросы. Аурлин изучала царапины на столе и покачала головой.

Подождав, адвокат вздохнул. — Позвоню на следующей неделе. Если получу дату, ты узнаешь первой.

Когда разговор уже подходил к концу, Аурлин заговорила: — А если её вообще не будет?

Тишина продлилась две секунды. — Чего не будет?

— Даты.

Неожиданный вопрос заставил его говорить медленнее. — Тогда продолжим ждать решения суда. Процедура никуда не исчезнет. Рано или поздно дело перейдёт к следующему этапу.

Больше Аурлин ничего не сказала. После разъединения она положила трубку. Офицер подошла открыть дверь и спросила, выдал ли адвокат очередную речь. Аурлин встала и кивнула. Женщина, ничуть не удивившись, пожаловалась, что адвокаты всегда говорят дольше, чем пишут их документы, и повела её обратно в северное крыло.

За ужином Аурлин съела лишь несколько кусочков. Она не легла, а сидела у стены, пока офицер не вернулся за подносом. Он нахмурился, увидев почти нетронутую еду, и постучал по краю двери.

— Столько же оставила и за обедом. Что происходит?

Аурлин покачала головой.

— Ты и так уже доставила достаточно проблем. Не создавай работу медчасти. — Она подняла глаза, и офицер запнулся. — Я имею в виду: скажи, если что-то не так. Если завтра не будешь есть, я внесу это в отчёт.

Ответа не было. Его шаги удалились. Перед отбоем Аурлин достала судебные бумаги из шкафчика. Процессуальные разъяснения она пропустила и сразу открыла последнюю страницу. Под лампой поле по-прежнему оставалось пустым.

Аурлин долго сидела на месте. Водопровод время от времени дребезжал, пока соседний заключённый умывался. Дальше двое мужчин недолго спорили о том, кто завтра будет перено-

силь припасы. Грейвенхёрст постепенно погружался в ночь в своём собственном ритме. Судебное уведомление ничего вокруг неё не изменило.

Она сложила листы и убрала их в глубину шкафчика. Вместо того чтобы лечь, осталась на краю койки и после выключения света продолжала смотреть в темноту.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ночная вахта

На следующий день расписание не изменилось. Аурлин вовремя вышла из камеры, прошла обследование и вслед за сотрудницей отправилась на отдых. В столовой она взяла ту же еду, что обычно, просидела десять минут и съела всего несколько кусочков.

Днём она взяла с полки старый роман и раскрыла примерно посередине. За окном не было ничего стоящего, но Аурлин то и дело переставала читать и смотрела сквозь металлическую сетку на полоску неба, разрезанную высокими стенами.

Уэски и Рурк играли в шахматы на другой стороне комнаты. После долгого разглядывания доски Рурк забрал только что сделанный ход и переставил фигуру на соседнюю клетку.

— Ты уже четыре раза туда посмотрел, и теперь я тоже смотрю. — Он раздражённо выровнял фигуру. — Она ни одной страницы не перевернула. Чего ты ждёшь?

Уэски вернул его фигуру на прежнее место. — Поставил — оставь. Ты всегда начинаешь придумывать исправления, когда проигрываешь.

— Я говорю о ней, а ты — о шахматах. — Рурк понизил голос и кивнул в сторону окна. — Вчера вечером она не ела. Сегодня тоже. Я достаточно видел заключённых, которые пытались уморить себя голодом.

Уэски изучал доску и не ответил. Только когда группу Аурлин вызвали на выход, он снова посмотрел в ту сторону. Она вернула роман и вслед за офицером прошла через контрольную дверь, ни разу не взглянув к их столу.

После отбоя низкий гул вентиляции постепенно стал единственным звуком в блоке. Один спящий заключённый начал храпеть. Из другой камеры время от времени доносился скрежет зубов. Дежурный проходил через одинаковые интервалы, и его шаги неизменно задерживались у центральных ворот.

Немного спустя два часа ночи из северного крыла донёсся слабый звук, словно что-то ударилось о каркас кровати. Один раз. Больше ничего.

Уэски открыл глаза и несколько мгновений лежал неподвижно. До следующего обхода было ещё рано. Он подошёл к двери и прислушался через смотровую щель. Обычно в северном крыле всю ночь поскрипывали трубы и кровати. Сегодня там стояла ненормальная тишина.

Когда появился патрульный, Уэски постучал тыльной стороной ладони. Офицер посветил фонарём в камеру. — Что тебе нужно посреди ночи?

— Я что-то слышал в северном крыле. Проверь камеру ближе к внутренней стороне.

Офицер посмотрел вниз по коридору, раздражение никуда не исчезло. — Теперь ты докладываешь каждый раз, когда скрипит кровать? Вам всем сегодня заняться нечем.

— Можешь идти дальше. — Уэски опустил руку. — Если утром вынесут тело, не забудь написать в отчёте, что я тебя звал.

Офицер свирепо посмотрел на него и тихо выругался, но поднял рацию и попросил центральный пост вывести изображение с камер северного крыла. Ответ в наушнике был коротким. Он резко развернулся и побежал к воротам, на ходу вызывая медиков.

Коридор залило светом. Двое офицеров вошли в камеру Аурлин. Медсестра прибежала с аварийным набором и опустилась рядом с койкой. Из медчасти приближались новые шаги. Каталка ударилась о порог, колёса громко задребезжали по бетону.

Рурк уже сидел. Через две камеры он посмотрел на Уэски и беззвучно пошевелил губами.

Когда медики подняли Аурлин на каталку, лицо закрывала кислородная маска, волосы рассыпались рядом с подушкой. Одна медсестра держала над ней пакет с раствором. Другая прижимала толстую марлю к запястью. Каталка прошла через центральные ворота и исчезла за закрывающимися металлическими дверями.

Патрульный вернулся и осмотрел каждую камеру. У решётки Уэски он задержался, словно хотел что-то сказать, но лишь один раз ударил дубинкой по металлу и велел возвращаться в постель.

Уэски спорить не стал. Лёг, заложив руки за голову, и до самой утренней пересменки слушал редкие шаги со стороны медчасти.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Наблюдение

Аурлин пришла в сознание с капельницей в правой руке. Свет бил прямо сверху. Когда она попыталась двинуться, фиксатор на запястье натянулся.

Медсестра, записывавшая показатели рядом, сразу заметила. — Не двигайся. Рану только закрыли. Снова разорвёшь — мне придётся зашивать её заново, а все вокруг потеряют ещё одну ночь сна.

Аурлин перестала сопротивляться. Осмотрела повязку и флакон с раствором, затем отвернула лицо.

Медсестра проверила зрачки маленьким фонариком. — Врач говорит, тебе повезло. Ещё десять минут — и никто не гарантировал бы, чем всё закончится.

Ответа не последовало. Очевидно, медсестра привыкла к немногословным пациентам. Она закончила осмотр, вернулась на стул и продолжила заполнять карту у изножья кровати.

Вскоре после рассвета вошёл врач вместе с психиатром-экспертом. Осмотрев рану и подтвердив, что физическое состояние стабильно, врач оставил оставшееся время мужчине, сидевшему рядом.

Тот положил папку на колени, но не открыл. — Меня зовут Лоу. В ближайшие несколько дней именно я решаю, когда вам можно будет выйти из наблюдения. Говорите столько, сколько хотите. Мне нужен ответ лишь на один вопрос: когда постоянный контроль снимут, вы повторите это?

Аурлин посмотрела в окно. Стекло было закрыто толстой металлической сеткой, а почти весь ограниченный вид занимала серая стена соседнего здания.

Лоу подождал и заговорил менее официально. — Скорее всего, вы ненавидите, когда люди сидят рядом и задают такие вопросы. Если вы ничего не скажете, я могу только поставить отметку в графе максимального риска и назначить круглосуточное наблюдение. Возможно, вам такой результат не понравится, но другого мне просто не из чего написать.

Аурлин молчала. Лоу заполнил несколько полей, и царапанье ручки по бумаге звучало в комнате особенно отчётливо.

После полудня её перевели в наблюдательную камеру за медицинским блоком. Одежду и все личные вещи забрали. Внутри осталась только закреплённая мягкая койка. Камера в углу охватывала всё помещение, даже вокруг туалета не было ширмы.

Дежурная сотрудница просунула еду через окно. — Врач приказал тебе есть. Ты ослабла. Не усложняй всё ещё больше.

Аурлин сидела на краю койки, не оборачиваясь. Еда осталась нетронутой до следующего обхода, когда её забрали.

Сотрудница подняла мягкий контейнер и посмотрела на неё. — Я не собираюсь умолять тебя есть и не могу каждый день тебя уговаривать. Продолжишь так — завтра врач может назначить зондовое питание. Тогда выбирать уже не придётся.

Когда окно закрылось, остались только свет и едва слышный механический шум камеры. Аурлин сидела у стены до поздней ночи, время от времени глядя на запястье, не меняясь в лице.

Свет в наблюдательной не выключали всю ночь. Каждые пятнадцать минут открывалось окно в двери. Офицер убеждался, что она по-прежнему находится на койке, и записывал время.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Благодарить не за что

После завтрака Уэски отвели в администрацию на допрос. Следователь положил на стол ночной журнал, дождался, пока сопровождающий проверит наручники, и жестом указал на стул.

— Дежурный говорит, что ты точно назвал камеру Аурлин Верчили. В северном крыле есть и другие камеры. Почему ты решил, что что-то произошло именно там?

Уэски поправил скованные запястья. — Кто-то рядом храпел. Ещё один разговаривал во сне. В крайней камере подтекает кран. С её стороны раздался один звук, а потом — вообще ничего.

Следователь не сразу сделал запись. — Ты всегда слушаешь весь коридор?

— Если провести внутри достаточно времени, приходится хоть чем-то занимать голову. — Уэски откинулся назад; бессонная ночь была заметна по глазам. — Если считаете, что я вмешался, в следующий раз постараюсь усерднее игнорировать.

Голос мужчины стал жёстче. — Она едва не умерла. Это не повод для шуток. Днём ты замечал что-нибудь необычное?

— Она меньше ела и почти не читала. Здесь каждый день кто-нибудь отказывается от еды, не спит и часами смотрит в одну точку. Вы это знаете лучше меня.

— Но её ты всё равно заметил.

Уэски посмотрел на наручники. — Заметила вся комната отдыха. Просто сейчас никто не захочет в этом признаться.

Допрос продолжался около получаса. Сотрудники несколько раз сверяли время и расположение людей. Убедившись, что Уэски не имел прямого отношения к происшествию, его отправили обратно под конвоем.

В медицинском коридоре перед ними всё ещё не открывались контрольные ворота. Офицер приказал Уэски встать у стены и вернулся к считывателю, чтобы снова провести карточкой.

С противоположной стороны появился другой конвой. На Аурлин была слишком большая наблюдательная рубашка, руки зафиксированы у талии. Сотрудница поддерживала её под локоть, чтобы головокружение после потери крови не сбilo с ног.

Аурлин не заметила Уэски, пока не дошла до пересечения ворот. Ноги продолжали идти, но взгляд остался на нём.

Когда группы приблизились, она заговорила: — Офицер сказал, что прошлой ночью его позвал мужчина по имени Уэски.

— Он не ошибся. — Уэски посмотрел на повязку, видневшуюся из-под рукава. — Я услышал, как что-то ударилось о кровать. Потом больше ничего не двигалось, и я сказал ему проверить.

Благодарности на лице Аурлин не было. Она разглядывала его так, словно заново оценивала человека, который прежде для неё ничего не значил.

Сотрудница велела продолжать движение. Проходя мимо Уэски, Аурлин тихо сказала: — Ты мог не обращать внимания.

Он пропустил её на два шага и только потом ответил: — Я так далеко не думал. Услышал и позвал кого-нибудь. Если очень хочешь записать это на мой счёт, для начала хотя бы стой на ногах.

Сотрудница обернулась и приказала им прекратить разговор. Аурлин отвела взгляд и исчезла за дверью наблюдательного крыла.

Рурк сохранил Уэски место в комнате отдыха. На столе стояла чашка холодного кофе рядом с половиной ломтика хлеба, оставшегося с завтрака.

— Сколько тебя допрашивали? — Рурк подвинул кофе. — Офицер обыскивал твою койку. Я уже решил, что тебя собираются обвинить в убийстве через три запертые двери.

Уэски сделал глоток и нахмурился. — Сколько сахара ты сюда положил?

— Нисколько. Просто кофе отвратительный. — Рурк помолчал, увидев выражение его лица. — Как она?

— Ходить может.

Рурк кивнул и достал из-под стола шахматную доску. Больше о прошлой ночи не сказал. Расставил фигуры и подождал, пока Уэски выберет сторону.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Старое имя

Аурлин провела под наблюдением третью ночь. Рана оставалась закрытой, но питание всё ещё не соответствовало требованиям медиков, поэтому Лоу отказывался прекращать усиленный контроль.

Тем утром суд запросил обновлённые заключения о её физическом состоянии и способности принимать решения. Тюрьма не успевала провести все обследования до установленного срока, и администрация активировала давний договор с внешней медицинской группой.

Около десяти в кабинет вошли трое. Женщина, проводившая психиатрическую оценку, села за стол. Молодой техник готовил оборудование. Третий мужчина стоял у шкафа с документами; пропуск был повернут внутрь, и через прозрачный держатель виднелась только обратная сторона.

После того как Аурлин ввели, сотрудница зафиксировала её на стуле. Женщина за столом представилась и, продолжая просматривать дело, объяснила объём обследования.

— Нам нужно осмотреть рану, проверить базовые когнитивные функции и неврологические реакции. Результаты отправят в суд. Это может занять около часа. Если станет плохо или неудобно, скажите. Достаточно кивка.

Аурлин не ответила. Техник подкатил оборудование, осмотрел заживающее запястье, взял кровь и проверил реакцию зрачков.

Первые процедуры почти не отличались от тех, что проводили тюремные врачи. Для проверки памяти техник показывал фигуры и числа и просил определить недостающий элемент среди нескольких карточек.

Аурлин выполняла задания по порядку, с одинаковой размеренной скоростью. Мужчина у шкафа время от времени поглядывал на неё, но почти ничего не записывал.

Когда на стол легла четвёртая последовательность чисел, он наконец подошёл. — Внимательно посмотри на эту, Наташан. Ошибка во вчерашних записях может повлиять на результат.

Женщина за столом тут же подняла голову. — В документах требуется использовать официальное имя пациентки. Не употребляйте прозвище из СМИ.

— Извините. Вчера слишком много читал. — Мужчина изменил положение одной карточки, и голос звучал совершенно естественно. — Продолжайте. Она поняла.

Аурлин смотрела на числа.

Когда-то эта последовательность использовалась для обозначения отправок по северному маршруту Корегана. На поверхности коды относились к грузу. Последние две цифры обозначали время передачи и вход на склад. Систему перестали использовать много лет назад, а материалы, изъятые полицией, не хватало самого важного правила преобразования.

Мужчина подвинул пять карточек ближе. — Какая здесь лишняя?

Настоящая ошибка находилась на второй карточке. Аурлин прочитала всю последовательность и коснулась самой правой.

Техник записал её выбор. Мужчина ещё несколько мгновений смотрел на Аурлин, затем вернулся к шкафу и не стал исправлять ответ.

До конца обследования больше ни одного устаревшего кода не появилось. В завершение женщина закрыла папку и сказала офицеру, что Аурлин можно вернуть под наблюдение.

Проходя мимо тележки с оборудованием, Аурлин посмотрела на запечатанные пробирки. На одной не было тюремной маркировки, а крышка отличалась цветом от остальных.

Вернувшись в наблюдательную камеру, она увидела, как через окно подают обед. Сотрудница уже приготовилась к очередному отказу и начала отходить, когда за её спиной щёлкнула крышка контейнера.

Аурлин съела несколько кусочков и остановилась. Сотрудница ничего не сказала. Забирая еду, только записала примерное количество.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вторая проверка

На следующий день после обеда к наблюдательной камере пришли двое незнакомых офицеров с уведомлением о дополнительном обследовании. Дежурная нашла в системе действующий номер, но время ей всё равно не понравилось, поэтому она попросила центральный пост перепроверить распоряжение. Подтверждение по рации пришло быстро — из администрации. Выбора почти не оставалось, и она сама повела Аурлин в медчасть.

Мужчина, накануне стоявший у шкафа, ждал один. Теперь на нём была светло-серая форма, а пропуск висел лицевой стороной наружу. Имя и фотография были видны, но уши человека на снимке не совпадали с ушами мужчины. Психиатра не было. На тележке лежали только принадлежности для забора крови. На настенной камере горел красный индикатор, однако объектив был направлен на дверь, а не на кресло для осмотра.

Мужчина заявил, что первые образцы загрязнены и их нужно немедленно заменить. Сотрудница потребовала связаться с Лоу. Он протянул внутреннее разрешение, прижав пальцем номер судебного дела внизу. В голосе появилась раздражённость. — Результаты должны уйти сегодня вечером. Можете отказать, но ответственность за задержку пересмотра смертного приговора попадёт в ваш служебный отчёт.

Сотрудница долго стояла с документом, прежде чем разрешила процедуру, и всё же осталась у двери, следя за его руками. Когда игла вошла в вену Аурлин, мужчина достал несколько карточек с номерами из давно закрытого северного маршрута. Он нарочно неправильно прочитал два кода, наблюдая за её зрачками и дыханием, а затем спросил, какая карточка нарушает последовательность.

Настоящая ошибка снова была второй. Аурлин бегло посмотрела на карточки и лениво указала на не имеющую значения крайнюю справа, сохраняя прежнюю усталость. Он переставил карточки, но и на этот раз ничего не узнал по её реакции. Собирая их, мужчина слишком сильно прижал один бумажный угол к металлическому подносу.

В коридоре раздался голос Лоу. Мужчина тут же убрал только что запечатанную пробирку на нижний уровень тележки и вернул на место обычный образец. Когда сотрудница повернулась открыть дверь, старый пропуск на его поясе зацепился за ручку ящика и упал рядом с ботинком Аурлин. На краю виднелись три вышедших из употребления символа: L-9-C.

Лоу вошёл и увидел пломбы двух разных цветов. Он приказал мужчине остановиться, предъявить оригинал разрешения и ждать, пока офицер вызовет службу безопасности. Незнакомец подобрал пропуск и сказал, что документы находятся в администрации. Пока внимание остальных оставалось на бумагах, он открыл боковую дверь и ушёл, бросив и дополнительный отчёт, и верхнюю форму.

Пока офицеры опечатывали медчасть, Аурлин прижимала место укола на руке. Пропуск несколько секунд лежал на полу. Из расшатавшейся застёжки выпал маленький металлический элемент с маркировкой экспериментального отдела. Перед тем как её увели, Аурлин носком ботинка сдвинула его в тень. Наклонилась, будто поправляя штанину, спрятала деталь в ладони и никому не сказала, куда ведёт L-9-C.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Старый номер

До того как внешняя группа покинула тюрьму, в журнале доступа медчасти обнаружили лишний пропуск.

В списке людей, допущенных в тот день в Грейвенхёрст, значились три имени, однако система контроля доступа зафиксировала четвёртый идентификационный номер. Сотрудник приёмной проверил все листы с подписями и не нашёл соответствующего имени. Одновременно с этим выяснилось, что с камеры у кабинета осмотра исчезли одиннадцать минут записи.

Медчасть немедленно закрыли. Офицеры обыскали каждое помещение и каждый шкаф с оборудованием. Всех заключённых, проходивших по затронутому коридору, допрашивали по отдельности.

На столе лежали фотографии с четырёх пропусков, когда Уэски вошёл в комнату для опросов. Следователь попросил указать любого, кого он видел в медчасти накануне.

Уэски изучил первые три и положил палец рядом с последней. — Он проходил мимо меня. Белый халат, кейс с оборудованием, без сопровождения офицера.

— С тобой взаимодействовал?

— Нет, прошёл дальше. Я ждал у стены, пока откроют дверь. — Уэски отодвинул фотографию, потом снова взял её. — Кто проверял этот пропуск?

Ручка следователя замерла. — Вопросы здесь задаёшь не ты. Говори, что заметил, и не ходи вокруг да около.

— Номер в правом нижнем углу больше не используется. — Уэски указал на мелкий шрифт. — Он принадлежал транспортной службе государственной больницы. Два года назад систему пропусков полностью заменили. Тому, кто прошёл через ваш вход с этим документом, невероятно повезло встретить настолько превосходный контроль.

Офицер у стены недовольно посмотрел на него. Следователь не обратил внимания и развернул снимок к себе, снова рассматривая.

— Откуда ты знаешь, как выглядели старые пропуска?

Уэски встретил его взгляд с усталой усмешкой. — Я давно здесь живу. Транспортные машины дважды в месяц проезжают под моим окном. Можете считать заключённых слепыми, но машины пока не научились прятаться.

Следователь явно ему не поверил, однако больше ничего не спросил. Фотографии убрали, Уэски отправили обратно под конвоем.

Из-за локдауна медчасти следующие ворота оставались закрыты. Уэски ждал у стены, когда с северной стороны подошёл другой конвой.

Аурлин шла между двумя сотрудницами. На ней снова была обычная форма, руки всё ещё зафиксированы у талии, а к лицу вернулась часть цвета.

Несколько офицеров столпились у считывателя, проверяя доступ. Их голоса перекрывали двух заключённых, стоявших в нескольких шагах друг от друга.

Уэски не приблизился. Глядя на красный индикатор над дверью, тихо сказал: — Люди, которые тебя обследовали, использовали пропуска, отменённые два года назад. Тюрьма заметила только тогда, когда они уже собирались уходить.

Аурлин повернула голову. Не спросила, откуда он это знает, и не показала удивления.

Не получив реакции, Уэски договорил: — Значит, то, что они собирались вынести, вероятно, стоило больше медицинского заключения. Подумай, что именно ты потеряла вчера.

Индикатор сменился на зелёный. Сотрудница жестом велела Аурлин идти, но, проходя мимо Уэски, она на полшага задержалась.

— Кровь.

Уэски посмотрел на след прокола на внутренней стороне её руки. Офицер уже торопила её дальше. Аурлин прошла через ворота вместе с группой.

Тем вечером медчасть приостановила все внешние обследования. Личные вещи Аурлин из наблюдательной ей не вернули, у двери поставили ещё одного офицера.

После того как принесли ужин, она села на койку и медленно опустошила контейнер. Патруль забрал его и расписался в журнале питания.

Во время ночной пересменки Аурлин услышала, как двое офицеров обсуждают пропавший образец крови. Один жаловался, что администрация приказала проверить каждого внешнего посетителя за последний месяц. Второй понизил голос и упомянул, что уведомление суда о продлении пересмотра тоже прошло через незнакомые руки.

Когда они ушли, Аурлин достала металлическую застёжку из шва матраса. Большим пальцем закрыла маркировку экспериментального отдела и изучала три символа на обратной стороне до тех пор, пока следующий патруль не открыл смотровое окно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Возвращение

На пятое утро окно в двери наблюдательной камеры открылось на полчаса раньше. Ночной офицер убедился, что Аурлин не спит, и велел сесть на край койки, положив руки на колени.

Лоу вошёл вместе с сотрудницей, держа форму оценки. Слишком близко садиться не стал. Перетащил пластиковый стул туда, где его хорошо видела камера, и просмотрел записи за последние дни.

— Ты съела почти весь ужин и выпила достаточно воды. Медсестра говорит, что с лечением сотрудничала, рана заживает приемлемо. — Лоу постучал ручкой по одной графе. — Это позволяет прекратить постоянное наблюдение. Но не позволяет сразу вернуть тебя к прежнему расписанию. В северном крыле тебя будут проверять каждые пятнадцать минут. Отдых, душ и приёмы пищи будут фиксироваться отдельно.

Аурлин смотрела на папку у него на коленях. Лоу открыл последнюю страницу и повернул заполненную часть к ней. По нескольким показателям стояли отметки риска.

— Можешь ненавидеть всё, что я здесь написал. Я также знаю, что подписывать это ты не станешь, но хочу выразиться ясно. — Он закрепил ручку внутри папки. — Один ужин не доказывает, что тебе внезапно захотелось жить. Он доказывает только, что ты готова поддерживать тело в рабочем состоянии. Пока этого достаточно. По крайней мере я смогу отдать эту комнату следующему несчастному.

Аурлин посмотрела на него, затем снова на бумаги. Не дождавшись ответа, Лоу встал, постучал в дверь и попросил офицера вызвать медсестру для подготовки перевода.

После завтрака ей сменили повязку. Медсестра разрежала старую, проверила швы на отёк и провела тампоном по коже. Пальцы Аурлин на мгновение напряглись, потом снова расслабились.

— Если болит, значит, рука ещё не окончательно испорчена. — Медсестра выбросила марлю и достала с тележки свежий пластырь. — В северном крыле держи её сухой. Три дня не опирайся этой рукой, когда встаёшь с койки. Если рана разойдётся, придётся снова прийти ко мне. Не думаю, что кто-то из нас мечтает так скоро увидеться.

Аурлин подняла руку, помогая накладывать повязку. Пока медсестра отвернулась выбросить отходы, металлическая застёжка выскользнула из наблюдательной рубашки в ладонь Аурлин. Кончиками пальцев она протолкнула её под внешний слой новой повязки.

Край упёрся в ещё не зажившие ткани. Вернувшись и наматывая последние полосы, медсестра нащупала небольшой бугорок, проверяя плотность. Решив, что это кровоостанавливающая марля, вскрывать повязку не стала.

Аурлин переделась в обычную форму. Обувь и туалетные принадлежности пока не вернули. Две сотрудницы закрепили цепь на талии и повели её обратно в северное крыло по заднему медицинскому коридору.

На дверь кабинета, где её осматривали накануне, уже наклеили пломбу. Всё оборудование вынесли, остались только стул и металлический шкаф. В воздухе резко пахло свежим дезинфицирующим средством.

Одна сотрудница с тревогой заглянула внутрь. Вторая поторопила её вперёд. Только после поворота они тихо упомянули, что ночью следователи вернулись и забрали журналы доступа и несколько коробок документов.

В самом дальнем конце северного крыла Аурлин ждала переоборудованная одиночная камера. Каркас койки проверили, стол и стул прикрепили к полу, даже механизм крана заменили на такой, который нельзя разобрать.

Дежурный начальник сверил личность Аурлин и при обеих сотрудницах объяснил временные правила. — Пока отдых будет проходить отдельно. Звонки адвокату — как обычно. Если записи о питании останутся нормальными и медчасть даст разрешение, остальные условия будем возвращать постепенно. О любых физических проблемах сообщай. Не жди, пока патруль сам обнаружит.

Аурлин вошла и дослушала до конца. После его ухода одна из сотрудниц просунула через окно прозрачный контейнер с вещами и стала зачитывать каждый пункт.

— Два комплекта одежды, один комплект судебных документов, два старых романа, шесть листов бумаги. Туалетные принадлежности принесут позже. Ручка хранится на дежурном посту. Если понадобится писать, нажми кнопку вызова.

Внутри всё было уложено с чрезмерной аккуратностью. Первым Аурлин взяла белый судебный конверт. Его печать разрезали, а снаружи добавили контрольную наклейку следственного отдела.

Она пока не стала читать документы. Сначала вынула остальные вещи. Одежду сложили иначе, чем до медчасти, а корешок одного романа был заново проклеен. Каждый предмет явно обыскали очень тщательно.

Сотрудница ждала, пока она подтвердит количество вещей. Аурлин открыла конверт, разложила листы и остановилась на четвёртом.

Внизу страницы стояло: 4/5.

Она повернула документ к двери и кончиком пальца указала на пропущенный номер страницы. Сотрудница наклонилась, снова проверила опись и нахмурилась.

— Когда ты поступила в медчасть, здесь указано пять страниц. И вчера ночью при пересчёте тоже было пять. Ты уверена, что лист не застрял между... Забудь. Я сама только что пересчитала.

Она забрала документ через окно, перевернула туда и обратно, затем позвала коллегу из дальнего конца коридора. Они проверили подкладку конверта и запросили записи о передаче имущества на дежурном посту. Несколько звонков ушли в разные отделы, но никто не признался, что видел пятую страницу.

Начальника ночной смены вызвали раньше срока. Осмотрев нумерацию, он распорядился опечатать документ, пока следователи не проверят ситуацию.

Аурлин осталась за дверью, руки спокойно лежали вдоль тела. Застёжка давила на рану, и каждый удар сердца отдавался тупой пульсацией в запястье. На лице ничего не отражалось.

Незадолго до ужина пришёл следователь. В перчатках он изучил все четыре листа и вскрытый конверт, после чего спросил, когда Аурлин в последний раз видела документ полностью.

— До медчасти. Голос оставался хриплым, но ровным.

— Помнишь, что было на последней странице?

— Источник, подразделение обработки, запись о доставке.

Он дождался продолжения, но Аурлин уже вернулась к столу. Следователь подхватил опись имущества под мышку и велел начальнику сохранить всё в текущем состоянии.

До вечернего обхода бумаги вернули. Пропавшую страницу не нашли. На пакете с доказательствами появилось ещё две контрольные наклейки, чтобы любое новое открытие оставило след.

Аурлин поужинала и дождалась пересменки в коридоре. Затем медленно отлепила внешний пластырь на запястье. На краю застёжки виднелась кровь. Она вытерла её салфеткой и поднесла металл к свету.

На лицевой стороне был знак, которым когда-то пользовалось раннее экспериментальное подразделение Корегана. На обратной, рядом с L-9-C, застрял маленький клочок серо-белого волокна с мелкой землёй. Цвет совпадал с манжетой незнакомца из кабинета осмотра.

Послышались шаги патруля. Аурлин снова завернула запястье, спрятала застёжку в сложенный край судебного конверта и положила сверху четыре страницы.

Когда открылось смотровое окно, она сидела за столом и доедала хлеб. Офицер записал время и не заметил судебное уведомление, в котором не хватало одной страницы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пропавшая страница

Разговор с адвокатом был назначен на следующий день после обеда. Когда Аурлин села в звукоизолированной комнате, а офицер отошёл за жёлтую линию, она подняла трубку и сразу спросила, сколько страниц должно быть в документе, возвращённом судом. На другом конце быстро зашуршали бумаги. Проверив электронную копию, адвокат подтвердил: официальная версия состоит из пяти страниц. Пропавший последний лист представлял собой медицинское разрешение, позволявшее внешней группе взять кровь и тканевые образцы перед переводом и отправить их в указанную лабораторию.

— Второй забор описан как замена, потому что первые образцы якобы потерялись при транспортировке. — Он расправил лист, и в трубке раздался тихий шорох. — Грейвенхёрст одобрил только один. Кто-то достал пустой бланк, вписал твоё имя, номер образца и номер судебного дела, после чего спрятал всю операцию внутри законной процедуры.

Аурлин посмотрела через звукоизолированное стекло. Во время первого визита мужчина проверял её старыми кодами северного маршрута, во время второго забрал немаркированную пробирку с кровью. Пропавшая пятая страница могла легализовать оба появления и уничтожить след после того, как образцы покинут Грейвенхёрст. Она спросила, когда разрешение создали впервые. Адвокат начал искать по системе; дыхание в трубке стало тяжелее.

Форма существовала ещё до публичного объявления пилотной программы смешанной тюрьмы. Первоначально она называлась «Межучрежденческий медицинский перевод заключённой высокого риска», а имя Аурлин присутствовало в списке кандидатов уже в первой версии. Сам Грейвенхёрст получил официальное уведомление лишь за несколько дней до её прибытия. Проследив историю изменений, адвокат обнаружил: учётная запись, создавшая документ, принадлежала комитету по судебной реформе, а последний вход, перезаписавший данные сканирования, был выполнен из административного корпуса самой тюрьмы.

— Сначала выбрали тебя, а уже потом использовали существующую программу реформы, чтобы проложить дорогу. — Его голос понизился. — Я потребую, чтобы суд сохранил оригинальные журналы и передал электронную подпись на пятой странице на независимую экспертизу. Если ты знаешь что-нибудь ещё, скажи сейчас. Дай мне хотя бы понять, от кого именно я тебя защищаю.

Аурлин ничего не сказала о Корегане. Велела ему записать символы L-9-C и не пользоваться внутренней электронной почтой тюрьмы. Несколько секунд на линии стояла тишина. Адвокат подавил ругательство и сразу же с личной линии связался с секретарём суда. Перед завершением разговора предупредил её не брать в одиночку ничего, что поступит из администрации. Профессиональная усталость полностью исчезла из его голоса.

Когда дверь комнаты открылась, Аурлин прошла мимо дежурного поста и увидела администратора, сортировавшего ключи. Мужчина заметил её взгляд и тут же прикрыл связку у груди, но старого пропуска доступа в закрытую зону, который раньше висел снаружи, уже не было. Аурлин не остановилась. Только когда конвой завёл её за угол, перевязанная рука медленно сжалась в кулак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мешок из прачечной

Медчасть оставалась закрытой три дня.

Усиленная проверка на входе заставляла каждую рабочую бригаду ждать у контрольных ворот почти по полчаса. Сухие продукты из столовой вскрывали пакет за пакетом; то же самое делали с чистящими средствами для прачечной. Раздражение копилось. К утру заключённые уже ругали администрацию через двери.

Рурка обыски интересовали мало. Он достаточно долго работал в прачечной, чтобы знать происхождение каждой поставки и то, насколько одержимо начальник следит за количеством. Если из партии простыней исчезала хотя бы половина фунта веса, вопросов хватало на весь день.

Ближе к дневной пересменке двое офицеров ввезли закрытую бельевую тележку. На ней лежали три обычных мешка для стирки и один чёрный водонепроницаемый мешок с красной этикеткой для медицинских отходов.

Начальник мельком посмотрел на лист передачи и расписался. — Первые три — в стирку. Чёрный — в печь. Не открывать, не взвешивать. До конца смены он должен исчезнуть отсюда.

Рурк, складывавший неподалёку простыню, замедлил руки. В документе не было веса, поле с наименованием оставили пустым. Только инструкция по уничтожению и печать заместителя начальника тюрьмы.

— На прошлой неделе пропали два полотенца, и вы обыскивали наши шкафы так долго, что нам пришлось снова сортировать носки парами. — Он положил сложенную простыню на тележку; раздражение после нескольких часов работы звучало совершенно естественно. — А теперь целый мешок уходит без учёта. Потом не обвиняйте нас, если что-нибудь окажется пропавшим.

Начальник бросил планшет на стол. — Медицинские отходы — ответственность медчасти. Хватит создавать проблемы. У тебя ещё половина простыней не сложена.

— Я просто не хочу не успеть и остаться после смены ещё на один обыск. — Рурк выровнял кривой край и оставил тему. — Вы проверяете всё так, будто через ворота пронесли бомбу. Уже никто не знает, что вы решите перевернуть следующим.

Начальник проигнорировал его и пошёл торопить группу у сушильных машин. Офицер покатил тележку мимо стола для складывания, но одно колесо попало в выбоину пола, и чёрный мешок завалился набок.

Рурк одной рукой подхватил его снизу. Внутри была мягкая ткань — ни твёрдых очертаний стеклянных ёмкостей, ни медицинских инструментов. И весил мешок гораздо меньше, чем мокрая одежда такого же объёма.

Тележку отвезли в заднюю зону ожидания, но бригада утилизации не появилась. Чёрный мешок пролежал у металлической двери больше часа. Каждый раз, проходя мимо, Рурк замечал, что кто-то заново завязал крепление.

Перед вечером пришла рабочая группа Уэски, чтобы развезти чистую одежду по блокам. После того как офицеры пересчитали тележки, всем приказали грузить быстрее.

Рурк пронёс стопку формы мимо Уэски, не останавливаясь. — Чёрный мешок у задней двери. Форма внешней медицинской группы. Начальник собирается сжечь её без взвешивания.

Уэски держал борт бельевой тележки, будто полностью занят описью. — Открывал?

— Я предпочитаю не лишаться пальцев. — Рурк уложил одежду и подтянул ослабший ремень. — Там только ткань. Медицинские иглы и флаконы идут в отдельных контейнерах. Никто не бросает их россыпью в мешок.

Приблизился офицер, и оба вернулись к работе. Рурк увёз пустую тележку. Уэски продолжил считать, ни разу не посмотрев в сторону задней зоны.

Когда бригада собралась уходить, одна тележка резко ушла влево. Колесо провалилось в дренажный канал, большая часть одежды соскользнула на пол. Офицер выругался.

Уэски присел, поставил раму ровно и проверил заклинившую ось. Водонепроницаемый мешок находился меньше чем в длине вытянутой руки за его спиной.

— Шевелись. Не трать время. — Офицер нетерпеливо, хотя и несильно, толкнул колесо ботинком. — Каждый из вас работает так, будто сегодня вообще не просыпался.

— Ось погнута. Пни ещё два раза — и сегодня же отправишь её на пенсию. — Уэски полез под тележку. — Отойди. Штанина свет закрывает.

Офицер посмотрел вниз и машинально сместился. Уэски протянул руку за раму и зашипнул серо-белый рукав, торчавший из завязки мешка.

Ткань была покрыта твёрдыми частицами. Ногтем он соскрёб себе на ладонь землю, несколько светлых каменных крошек и высохшее тёмное пятно.

Все открытые пространства внутри тюрьмы были заасфальтированы или залиты бетоном. Голая земля оставалась только на старой служебной площадке за прачечной. Она примыкала к нижнему уровню медицинского корпуса и обычно была перекрыта металлическим ограждением.

Уэски убрал руку, вдавил грязь в свой рукав и поднял застрявшее колесо. Ось с резким скрежетом вернулась в направляющую.

Офицер толкнул тележку и, убедившись, что та едет, перестал жаловаться. Проходя мимо чёрного мешка, Уэски уловил запах сырости на форме и слабый след машинного масла.

За ужином они с Рурком сидели, оставив между собой одно пустое место. Все вокруг жаловались, что из-за проверок еду задержали. Двое офицеров у входа не могли слышать тихий разговор с такого расстояния.

— Мешок ещё там? — Уэски разломил хлеб и откусил.

— Утилизация забрала. Включили ли печь — не знаю. — Рурк пил слабый кофе, не проявляя заметного любопытства. — Что нашёл?

— Грязь с участка у периметра. Машинное масло.

Чашка Рурка на мгновение остановилась. Он сдул порошок с поверхности и только потом ответил: — На старой погрузочной площадке есть служебные рельсы. В прошлом году после подтопления ремонтировали слив, и рабочие возвращались с такой же светлой щёбёнкой на ботинках.

Уэски посмотрел на него. Рурк доел хлеб так, будто они обсуждали погоду, и больше не повернулся.

Во время вечерней выдачи лекарств Аурлин услышала разговор двух сотрудниц о пропавшем администраторе. Он подал заявление об увольнении по электронной почте, но домой так и не приехал. На следующий день жена заявила о пропаже, а его машину нашли у шоссе в двадцати километрах от Грейвенхёрста.

Заметив, что Аурлин всё ещё стоит у окна, женщины прекратили разговор. Передали ей стаканчик с лекарством, посмотрели, как она проглотила, проверили, что во рту ничего не спрятано, и покатали тележку дальше.

Аурлин закрыла кран и вернулась к койке. Судебный конверт лежал на столе под старым романом с заново проклеенным корешком.

Она убрала книгу и осмотрела спрятанную внутри застёжку. По краю всё ещё цеплялись серо-белые волокна — точно такого же цвета, как форма, которую Рурк видел в прачечной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Нижняя дверь номер девять

Рабочая бригада прачечной ходила к печи раз в неделю.

Маршрут проходил через двое стальных ворот позади главного корпуса, затем вдоль внешней стены медчасти к старой погрузочной площадке. После реконструкции почти весь транспорт перевели в новый коридор. В прежней погрузочной зоне хранили сломанную мебель и ткань, предназначенную для уничтожения.

Уэски ждал два дня, пока его бригаде не поручили переносить списанные матрасы.

Каждый матрас заранее разрезали для проверки и связали грубой верёвкой в два рулона. Одну платформенную тележку толкали четверо заключённых; спереди и сзади шли офицеры с электрошокерными устройствами и ключами.

Когда открылись первые ворота, в проход ворвался ветер с запахом дождя. Ночью прошёл ливень. С карнизов капала вода, земля у стены оставалась мокрой.

Уэски толкал платформу вдоль медчасти. Он не оглядывался демонстративно по сторонам. Только следил за старыми номерами на стене, когда бригада поворачивала.

Разметку сектора L почти полностью закрасили, но косой свет всё ещё позволял различить контуры. Двери семь и восемь были заварены. По краям лежала тяжёлая ржавчина, на полу скопилась многолетняя пыль.

Через десять ярдов стена внезапно стала чистой.

Место, где раньше находилась девятая дверь, закрывала сплошная металлическая панель, выкрашенная почти в тот же серый цвет, что и окружающая стена. На нижних болтах не было ржавчины. Краска вдоль шва растрескалась, обнажив свежие царапины.

Переднее колесо платформы сошло с маршрута. Уэски намеренно нажал на рукоять вправо, направляя тяжёлые матрасы вместе с тележкой к стене. Колесо провалилось в углубление у слива.

Заключённый сзади едва не врезался Уэски в спину. Сопровождавший офицер подошёл и пнул обод.

— Ты даже тележку умудрился заклинить? Первая группа уже ушла. Решил ночевать здесь?

Уэски потянул рукоять назад. — Матрасы тяжёлые, колесо вошло боком. Можешь ещё попинать. Когда сломается, мы вчетвером понесём всё на руках, а ты будешь смотреть.

Другой заключённый рассмеялся и тут же замолчал под взглядом офицера. Ругая ремонтников, тот приказал двум мужчинам сзади придерживать матрасы и отошёл, освобождая Уэски место.

Уэски присел, закрывая плечом и рамой большую часть обзора. Одной рукой поддерживал ось, второй скользнул под металлическую панель.

Пальцы нащупали холодный край и вошли в узкий зазор. Внутри была влажная земля и кусок прозрачного пластикового фиксатора, который кто-то не сумел убрать полностью.

Когда Уэски потянул, за панелью тихо сдвинулся металл. Запечатанный вход мог двигаться изнутри. Болты служили лишь декорацией; настоящий замок находился с другой стороны.

Пластик застрял слишком глубоко, целиком его было не достать. Уэски отломил край с печатной маркировкой и зажал в ладони, затем нащупал в проёме две параллельные дорожки.

Каждая была уже пальца, по краям оставалась смазка. Обычная грузовая тележка не оставила бы настолько узких следов. У медицинских каталок колёса были именно такой ширины.

Офицер вернулся, окончательно потеряв терпение. — Всё ещё не закончил? Вставай. Пусть кто-нибудь другой возится.

— Тяните сейчас. — Уэски упёр раму в плечо. — Вы двое сзади, хватит стоять. Если всё опрокинется, ужина не получит никто.

Мужчины навалились на матрасы. Колесо выскочило, и тележка дёрнулась в сторону офицера.

Тот отступил с новым ругательством. Он не заметил, как, поднимаясь, Уэски спрятал кусок пластика за пояс, и лишь поторопил группу догонять остальных.

У печи Уэски увидел две бледнеющие колеи. Они обходили площадку утилизации и шли прямо к девятой двери сектора L. Одно колесо когда-то скользнуло в грязи, оставив рядом половину следа обуви. Мелкий рисунок протектора отличался от стандартных тюремных ботинок, а у носка лежала та же светлая щебёнка.

На обратном пути Уэски прошёл мимо панели, не замедляясь. Он успел увидеть остаток номера над швом и запомнил, куда коридор направлен относительно внешнего периметра.

После отбоя он дождался патруля и только потом достал фрагмент из-за пояса. На нём сохранился инвентарный код внешней медицинской группы и часть напечатанного предупреждения.

Рурк услышал шорох пластика со своей койки и повернулся. — С возвращения почти не двигаешься. Что спрятал?

Уэски засунул фрагмент под приподнятый край основания койки. — Фиксатор для запы-
стия. Застрыл под девятой дверью сектора L.

Рурк замолчал. — Раньше эта дверь вела к служебной дороге. Когда я только приехал, ремонтные машины ещё возили через неё оборудование. Потом нижний уровень затопило, и вход закрыли.

— Он до сих пор открывается.

— Тогда у нас проблема. — Рурк подтянул одеяло, и голос прошёл сквозь темноту. — Фальшивый врач миновал трое ворот, а кто-то снова открыл заброшенный коридор. Одним плохим пропуском такое не устроишь.

Уэски лёг и мысленно восстановил маршрут.

L-9 находилась недалеко от кабинета осмотра. Каталка могла выйти через внутренний лифт, попасть на нижний уровень и через старый коридор оказаться за стеной.

Этот путь обходил главный вход и все обычные тюремные блоки. Если заранее отключить одиннадцать минут наблюдения, внешний персонал никак не узнает, что именно везут на каталке — пациента, тело или находящегося в сознании заключённого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Та книга

На десятый день Аурлин вернулась к обычным занятиям.

После утреннего осмотра сотрудница сняла цепь с талии, оставив только фиксаторы на запястьях. Медчасть по-прежнему требовала индивидуального сопровождения. К тому времени, когда Аурлин вошла в комнату отдыха, остальные заключённые находились там уже почти полчаса.

Разговоры постепенно стихли.

Двое мужчин у тренажёров посмотрели на её запястье и быстро отвернулись. Кто-то освобождал дорогу, как и прежде. Другие остались на своих местах и наблюдали с нескольких столов, пытаясь понять, ослабла ли она.

Аурлин шла между ними медленнее, чем до медчасти. Головокружение после потери крови ещё не прошло полностью. Она оперлась на спинку стула, дождалась, пока краткая темнота перед глазами рассеется, и продолжила путь к полкам.

Никто её не остановил. Несколько мужчин, которые наблюдали особенно внимательно, опустили головы, когда она повернулась, словно всё это время просто ждали свободного места.

Сотрудник у книжной стойки напомнил, что осталось двадцать пять минут. — Пока одна книга в день. Перед тем как взять её в камеру, она должна пройти проверку. Не выбирай ничего толстого, если не хочешь ждать, пока мы закончим.

Аурлин достала с нижней полки старый роман с треснувшим корешком. Сотрудник сверил номер на обложке и велел читать в пределах видимости.

Она села у окна. У входа сотрудница обменивалась медицинскими заметками с дежурным персоналом, время от времени поглядывая в её сторону. Камера над головой медленно поворачивалась и ненадолго останавливалась всякий раз, когда проходила над столом для чтения.

Аурлин раскрыла роман посередине и прижала приподнятые страницы. Застёжка лежала между повязкой и рукавом. Когда камера повернулась к тренажёрам, она выскользнула в её ладонь.

Клей внутри корешка высох и раскрошился. Большим пальцем Аурлин расширила щель, протолкнула застёжку внутрь и осторожно разгладила края страниц, пока снаружи не осталось никакого заметного утолщения.

На всё ушло меньше тридцати секунд. К тому времени, когда после передачи смены к ней подошла сотрудница, Аурлин снова читала, а повязка выглядела нетронутой.

— Голова кружится? — Увидев бледное лицо, сотрудница коснулась стола. — Врач сказал сразу возвращать тебя, если станет плохо. Не падай посреди дороги. Я одна тебя не уташу.

Аурлин покачала головой и перевернула страницу. Сотрудница подождала, пока убедилась, что та сидит устойчиво, и вернулась ко входу.

Когда прозвенел сигнал, Аурлин поставила роман на место. Сотрудник проверил её рукава и запястье, затем провёл по телу детектором. Прибор не издал ни звука.

Она вышла вслед за сотрудницей. Перед тем как контрольная дверь закрылась, один раз посмотрела на полку. Роман оставался между двумя выцветшими руководствами ровно там, где она его оставила.

В тот же день во второй половине дня группа Уэски получила время отдыха.

Войдя, Рурк сразу взял шахматную доску. Когда Уэски не пошёл за ним, он понёс коробку к полкам и нашёл его остановившимся перед старыми книгами.

— Утром кто-то брал ту. — Рурк зажал коробку под мышкой и вытащил рядом журнал. — Она двадцать минут сидела с ней у окна и поставила обратно на то же место. Офицер всё время смотрел, так что ничего крупного она оставить не могла.

Уэски снял роман с полки. — Тебе не обязательно рассказывать мне всё.

— Хорошо. В следующий раз промолчу. Будешь искать до ужина, а потом объяснишь офицерам, почему внезапно так полюбил книги.

Рурк ушёл с доской. Не задержался и не оглянулся, чтобы увидеть, что Уэски найдёт.

Уэски отнёс роман в угол. Когда открыл разошедшийся корешок, застёжка упала прямо в подставленную ладонь.

Её эмблема напоминала букву, разделённую кругом; края почернели от огня. На обратной стороне глубоко вырезали L-9-C, а металл вокруг был сильно истёрт годами частого использования на каком-то предмете.

Уэски спрятал её в рукаве и опустил глаза к книге. Когда камера снова повернулась в его сторону, палец лежал на случайном, ничего не значащем абзаце старого романа.

На следующий день Аурлин снова вошла в комнату отдыха.

Она села у окна с тонким журналом. После одной партии Уэски и Рурк уступили фигуры мужчинам, ожидавшим своей очереди. Уэски один направился к кулеру.

На обратном пути он выбрал пустой стул по диагонали напротив Аурлин. Между ними оставался угол стола. С позиции офицеров они даже не сидели лицом друг к другу.

Аурлин продолжала листать журнал. Уэски пил воду и ждал, пока спор у тренажёров не отвлёк патрульного. Тогда поставил чашку.

— Девятая дверь сектора L находится под медчастью. — Он смотрел на край чашки и говорил достаточно медленно, чтобы она слышала. — Её открывали изнутри. Нижний коридор выходит к служебной дороге за периметром. В щели я нашёл медицинский фиксатор и следы колёс каталки на земле.

Аурлин держала пальцами угол страницы. Прежде чем ответить, она перевернула дочитанную.

Уэски не торопил и не показывал застёжку. — После замены крови они могли просто уйти через главный вход. Нижний коридор им для этого не требовался. Значит, кто-то заранее готовил его для чего-то достаточно большого, чтобы занять каталку.

Спор продолжался. Двое мужчин ругались из-за времени на одном тренажёре, офицер разводил их в стороны, а вокруг собирались зрители.

Наконец Аурлин повернула голову. — Застёжка принадлежала одному из ранних экспериментальных подразделений Коррегана. Десять лет назад эта группа перевезла для меня шесть единиц. После доставки они исчезли, а склад той же ночью сгорел.

— Шесть?

— Пять весили почти одинаково. Последняя — сорок восемь килограммов. — Её глаза остановились на Уэски. — В описи, сохранённой судом, все шесть назывались грузом.

Уэски понял, что может весить сорок восемь килограммов. Взгляд прошёл от её лица к повязке на запястье, но мысль он не произнёс.

У тренажёров восстановился порядок. Офицер разогнал зрителей и пошёл в сторону их стола.

Аурлин вернулась к журналу. — Оставь застёжку у себя. Камеры записали книгу. Если она вернётся туда, её станут искать.

Голос был тихим, но на этот раз фраза прозвучала полностью. Уэски поднял чашку и остался сидеть, ничего не отвечая.

Офицер прошёл мимо двух заключённых, которые выглядели так, будто полностью игнорируют друг друга. По следующему сигналу Аурлин закрыла журнал и вышла вслед за конвоем.

В коридоре возле книжных полок им навстречу попался санитар с тележкой лекарств. Он не замедлился и даже не посмотрел на Аурлин.

Когда они разминулись, в стекле контрольной двери она увидела, как санитар отпустил тележку и свернул в комнату отдыха. Он сразу направился к нижней полке и взял роман, который Аурлин держала накануне.

Открыл у разошедшегося корешка и пальцем проверил треснувший клей.

Внутри было пусто.

Санитар постоял ещё мгновение, затем вернул книгу на место. К тому времени, когда он снова покатиł тележку, выражение лица стало обычным.

Аурлин прошла через контрольные ворота, не оглядываясь. Руки у талии медленно сжались, и под повязкой заживающего запястья снова появилась боль.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Наблюдатель

Утренняя тележка с лекарствами медленно двигалась по северному крылу; на каждом пороге колёса давали одинаковую вибрацию. Медсестра осматривала раны, а санитар позади подавал марлю, дезинфицирующее средство и запечатанные стаканчики с препаратами. Его удостоверение открыто висело на груди — фотография и имя были повёрнуты наружу.

У камеры Аурлин медсестра пододвинула к двери складной столик и велела просунуть левую руку через передаточное окно. Санитар подкатил тележку ближе и наклонился за свежими бинтами. Серо-белая манжета задела металлический край. Земли на ткани уже не осталось.

Аурлин прочитала имя на удостоверении, затем номер сотрудника под ним. Карточка не выглядела поддельной. Края ламинации были сильно затёрты, а мужчина на фотографии выглядел моложе человека перед ней. Он работал в Грейвенхёрсте много лет.

Ножницы медсестры зацепили корочку под старой повязкой, и пальцы Аурлин напряглись на столике. Медсестра остановилась, изменила угол и попросила потерпеть ещё немного.

— Живает достаточно хорошо. Завтра снимем швы. Ты снова начала есть, так что хотя бы выглядишь уже не настолько пугающе, как несколько дней назад. — Она бросила марлю в лоток и осмотрела рану. — Когда вернёшься внутрь, не держи запястье под нагрузкой. Если начнёт кровить, вызывай кого-нибудь. Никто не ждёт, что ты внезапно станешь разговорчивой. Нажать кнопку достаточно.

Аурлин оставалась неподвижной. Забирая лоток, санитар быстро перевернул выброшенную повязку щипцами, будто проверял, не остался ли внутри ватный тампон.

Медсестра отвернулась, заполняя запись. Аурлин смотрела на него через окно. Заметив взгляд, он толкнул марлю в пакет для медицинских отходов и затянул пломбу.

— В администрации нет записи о вчерашнем обезболивающем. — Медсестра перевернула страницу, и в голосе прозвучало недоумение. — Система показывает, что кто-то запросил его для тебя, но ночная смена говорит, что ты ничего не просила. Если всё ещё болит, сегодня могу оформить препарат правильно, чтобы им снова не пришлось переделывать формы.

Аурлин покачала головой.

Медсестра закрыла папку и спорить не стала. Санитар приготовился катить тележку дальше. Поворачиваясь, он коротко заглянул в камеру; взгляд на мгновение остановился на старом романе у койки.

Тележка отправилась к следующей камере. В середине коридора офицер остановил медсестру, чтобы обсудить учёт препаратов. Санитар один увёз медицинские отходы в задний проход и скрылся за поворотом вне зоны камер.

Аурлин вернулась к столу и достала из-под судебных бумаг бланк заказа книги. На дежурном посту выдавали только один в день. На нём уже дважды писали. Она медленно провела ногтем по нижней складке и оторвала чистую полоску шириной меньше двух пальцев.

Карандаш требовалось запрашивать отдельно. Офицер, который его принёс, предупредил, что заберёт через десять минут, и остался снаружи посмотреть, что она собирается писать.

Аурлин разложила судебное уведомление на столе, будто добавляет сведения, полученные от адвоката. На обратной стороне четвёртой страницы записала две даты. Когда внимание офицера ушло вниз по коридору, прикрыла узкую полоску ладонью и добавила три строки несуществующих данных об отправлении.

S-3, Dock C, 02:10.

Эти коды не имели никакого отношения ни к одному складу Коррегана, машине или сотруднику. Аурлин сложила полоску вдоль, оставила под судебными бумагами, а после того как офицер забрал карандаш, спрятала её в рукав.

Перед дневным отдыхом сотрудница, как обычно, закрепила цепь вокруг её талии. Они подошли к контрольным воротам как раз тогда, когда возвращалась другая рабочая бригада. В коридоре теснились тележки и пластиковые ящики с инструментами; офицеры пересчитывали заключённых.

Пока Аурлин ждала у стены, из медчасти вышел тот самый утренний санитар. Он уже сменил обувь, тележки при нём не было, а удостоверение он спрятал под одежду.

Их разделяли стальные ворота. Санитар поздоровался с сопровождавшим офицером и карточкой открыл проход в административный коридор, даже не взглянув на Аурлин.

После разрешения с центрального поста она вошла в комнату отдыха. Там только что закончился внеплановый обыск. Мебель стояла не на своих местах, а старые книги, снятые для проверки, лежали перед полками.

Уэски и Рурк заняли стол у стены. Рурк перебирал перемешанные шахматные фигуры и жаловался, что одной не хватает. Уэски откинулся на спинку и помогал искать под столом и внутри коробки.

Аурлин прошла мимо них, не замедляясь и не подавая никаких знаков. У книжной стойки взяла с середины полки руководство по техническому обслуживанию.

Сотрудник нахмурился, увидев номер на обложке. — Это остаётся в комнате. Переплёт разошёлся. В прошлый раз кто-то вырвал схему проводки, а отвечать пришлось мне. Читай здесь.

Аурлин отнесла руководство к окну. Перелистнула больше десяти страниц и дождалась, пока сотрудник перестанет смотреть, после чего вынула полоску из рукава.

Потолочная камера поворачивалась к тренажёрам. Через равные промежутки она проходила над полками и окном, задерживаясь над местом Аурлин достаточно долго, чтобы персонал мог определить, какую книгу она читает.

Аурлин не стала ждать, пока объектив уйдёт в сторону. Положила полоску посередине страницы и медленно, под ладонью, протолкнула её к корешку. Всё движение попало в поле зрения камеры.

Когда бумага вошла в разошедшийся клей, наружу остался только один сложенный уголок. Аурлин прижала его кончиком пальца и продолжила читать.

Люди постоянно перемещались по комнате. Двое заключённых по очереди занимали тренажёр. Сотрудник поднялся, чтобы расставить возвращённые книги. Рурк наконец нашёл пропавшую шахматную фигуру под соседним столом.

Уэски увидел, как Аурлин закрыла техническое руководство. Когда она ставила его обратно, он один раз посмотрел на обложку и опустил голову, делая ход.

Сотрудница назвала номер Аурлин. Та вернула руководство на среднюю полку, позволила себя досмотреть и вышла. Закрывающаяся контрольная дверь постепенно скрыла полки за её спиной.

Когда Уэски не сделал следующий ход, Рурк постучал пальцем по краю доски. — Я знаю, что она что-то положила в эту книгу. Ты тоже видел. Она выбрала момент, когда камера смотрела прямо туда, так что сомневаюсь, что хочет, чтобы ты сейчас её забрал.

Уэски передвинул фигуру. — Наконец-то сегодня ты сказал что-то полезное.

— Всё, что я говорю, полезно. Просто обычно тебе лень слушать. — Рурк оглядел доску и обнаружил, что нужная клетка уже закрыта. — К книге я не полез. Неприятностей, которые притягиваете вы двое, уже хватило на несколько мешков сожжённой формы в прачечной.

Перед сменным сигналом сотрудник приказал всем вернуть вещи. Заключённые встали из-за столов и выстроились у выхода. Уэски пошёл вместе со всеми, не приближаясь к полкам.

Последние контрольные ворота дали сбой. Группа ждала в коридоре, пока офицер спорил с центральным постом по рации и приказывал всем стоять у стены.

В этот момент в комнату отдыха вошёл медицинский санитар с пустой тележкой.

Он сказал сотруднику у книг, что из-за ремонта закрыли северный проход и ему нужно пересечь комнату, чтобы попасть к аптечному складу. Журнал уже закрыли. Сотрудник нажал кнопку боковой двери и велел пройти до того, как зайдёт следующая группа.

Тележка остановилась возле полок. Санитар посмотрел на камеру. Объектив был направлен на заключённых, ожидавших выхода, и не охватывал среднюю полку.

Он снял техническое руководство, перелистнул несколько страниц и быстро нашёл сложенный уголок внутри корешка. Записку читать не стал. Сжал её в ладони и вернул книгу.

Уэски наблюдал через стекло с проволоочной сеткой. Офицер рядом продолжал орать в рацию. Рурк послушно стоял у стены спиной к комнате отдыха.

Замок наконец открылся. Когда колонна проходила мимо боковой двери, Уэски увидел, как санитар увозит тележку в администрацию.

Лифт ждал на нижнем этаже рядом с администратором в рубашке. Тот принял сложенную полоску, развернул её прямо перед санитаром, быстро прочитал и убрал во внутренний карман пиджака.

Санитар снял серо-белую тунику и достал со дна тележки тёмную офицерскую куртку. Администратор карточкой открыл ему доступ к лифту, и металлические двери закрылись.

Конвой не остановился. Проходя мимо лифта, Уэски увидел в дверях лишь собственное отражение и офицера за своей спиной.

Тем вечером лекарства в северном крыле выдавали как обычно. Тележку толкала пожилая медсестра. Утренний санитар больше не появился.

Просматривая карту Аурлин, медсестра нашла неподтверждённый запрос на обезболивающее, добавленный накануне. Она пролистала несколько страниц, не обнаружила назначившего врача и перечеркнула запись.

— В системе бардак. Кто угодно может что-нибудь добавить. Хорошо, что ты это не принимала. Когда записи не сходятся, виноватыми всё равно делают нас. — Она просунула стаканчик и сняла контейнер для отходов у двери. — Завтра снимаем швы. После завтрака рану не трогай. Я не хочу потом бегать за тобой и снова всё перевязывать.

Аурлин выпила лекарство и вернула пустой стаканчик. Медсестра повесила контейнер для отходов на бок тележки. Смятый остаток бланка заказа книги внутри уже исчез.

После того как тележка покинула северное крыло, свет в коридоре мигнул. Камера в углу на мгновение погасла. Когда изображение вернулось, угол объектива оказался смещён чуть ниже — ровно настолько, чтобы в кадр попали судебные бумаги на столе Аурлин.

Она положила конверт в прозрачный контейнер для имущества под койкой. Закрыв крышку, села на матрас. Только когда камера медленно повернулась к двери, Аурлин подняла руку к всё ещё ноющему запястью.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Перевозка

В 6:07 следующего утра факс на дежурном посту северного крыла ожил. Сотрудница ночной смены разбирала записи для передачи дежурства. Когда первый лист выполз в приёмный лоток, она решила, что это очередное обычное уведомление из медчасти. Затем заметила вверху красный штамп «СРОЧНО», поставила кофе и стала принимать остальные страницы одну за другой.

Перевозке подлежала Аурлин Верчили. В перечне процедур значились томография мозга и обследование на когнитивные нарушения, назначенные на девять утра в частном диагностическом центре более чем в часе езды от Грейвенхёрста. Сотрудница отнесла документы к столу старшего смены. Тот как раз закончил пересчитывать ключи; под глазами темнели следы долгой ночи. Дойдя до раздела о вывозе за пределы учреждения, он вернулся назад и ещё раз проверил дату. — Вчера в передаче смены этого не было. Когда медчасть успела всё назначить?

— Я уже им звонила. У них есть только судебное распоряжение о неврологическом обследовании. Про выезд ничего. — Она перевернула документы на последнюю страницу и указала на электронную печать. — Номер разрешения проходит, администрация его утвердила. Может, суд связался с клиникой напрямую, а дневная смена забыла внести в график.

Старший накрыл папку ладонью и снял внутренний телефон. Набрал судебно-медицинский отдел, указанный в документах, но автоответчик сообщил, что учреждение открывается в восемь. До смены оставалось немного. Заключённые северного крыла уже просыпались, тележка с завтраком остановилась за первыми воротами, сотрудники разносили подносы от камеры к камере.

Он закрыл папку. — Подготовьте её, но из северного крыла пока не выводите. Когда придет машина, задержите на внешнем КПП. Хочу, чтобы дневная смена проверила это вместе со мной. Немного после семи Аурлин успела съесть половину ломтика хлеба, когда у её двери появились две сотрудницы. Одна положила рядом с передаточным окном цепь для фиксации на талии, другая держала распоряжение на транспортировку, пришедшее утром.

— Суд назначил обследование за пределами тюрьмы. Машина должна быть примерно через полчаса. — Сотрудница посмотрела на неё через дверь, терпеливее обычного. — Я знаю, что в прошлый раз с внешним персоналом вышла история. На этот раз сотрудники Грейвенхёрста будут с тобой всю дорогу. Сначала переоденься в транспортную форму. Перед выездом медчасть досмотрит тебя ещё раз.

Аурлин посмотрела на бумаги в её руке. Транспортную одежду оставила лежать на месте и вместо этого подошла к окну. Сотрудница помедлила, затем развернула к ней первую страницу. — Прочитать можешь. В камеру брать нельзя. Здесь маршрут и состав конвоя, так что после чтения сразу вернёшь.

Аурлин взяла документы. Сначала проверила адрес, затем список сопровождающих и время утверждения. Бумаги много раз сканировали, поэтому отдельные строки расплылись, однако подпись врача на последней странице была совершенно чёткой. Это имя она слышала от адвоката только вчера. Судебный медицинский консультант несколько месяцев назад вышел на пенсию и больше не принимал дел.

Электронное подтверждение было поставлено в 4:12 утра. Административный отдел, проверявший перевозки, ночью не работал, а обычную транспортировку почти никогда не удавалось за несколько часов одновременно обеспечить машиной, маршрутом и внешней записью.

Сотрудница перед Аурлин уже начинала проявлять нетерпение, хотя вслух не торопила. Она лишь чуть придвинула наручники, напоминая без слов, что время идёт.

Аурлин повернула к себе последнюю страницу. — Человек, подписавший это, уже на пенсии. Обе сотрудницы посмотрели на бумаги. Первая нахмурилась. Вторая взяла страницу и сама проверила имя и должность. — Ты уверена? — Вопрос прозвучал бессмысленно ещё до того, как она договорила, поэтому женщина сразу добавила: — Неважно. Оставайся здесь. Пусть старший сначала позвонит в суд. До этого дверь никто не открывает.

— Машина почти приехала, — негромко сказала первая, глянув на часы. — Если мы сорвём внешнюю запись, медчасть опять свалит всё на северное крыло.

— Пусть сваливает. На прошлой неделе мы пропустили внутрь фальшивого врача. Я не отправлю сегодня заключённую со смертным приговором наружу по бумагам, происхождение которых никто не может объяснить. Кто хочет за это отвечать, пусть сам приходит и забирает её.

Обе унесли папку на дежурный пост. Аурлин осталась возле передаточного окна. Транспортная форма и цепь по-прежнему лежали за дверью. Когда пришёл старший дневной смены, он прочитал документы и сразу связался с медчастью. Дежурная медсестра проверила внутреннюю систему и нашла только первоначальное судебное требование провести неврологическое обследование. Ни выездного осмотра, ни времени приёма, ни назначения транспорта в официальном медицинском расписании не было.

Администрация ответила ещё менее полезно. Сотрудница по телефону подтвердила, что электронная печать действительна, но не смогла определить, кто вошёл в систему в 4:12. Она снова и снова повторяла, что экстренное судебное распоряжение могло быть обработано автоматически. На третий раз старший потерял терпение. — Система может сформировать печать. Но кто-то всё равно должен был вписать имя и номер машины. Если вы не можете сказать, кто это сделал, соедините меня с тем, кто может. Хватит рассказывать, что компьютер всё сделал сам.

Женщина попросила оставаться на линии. На фоне было слышно, как несколько человек задают друг другу вопросы. Звонок перекинули через два отдела, а затем вернули той же сотруднице. Она пообещала, что ему перезвонят в течение десяти минут. Прошло десять. Телефон молчал. В 7:43 внешний КПП сообщил о прибытии транспортной машины. На фургоне были государственные обозначения медицинской перевозки. Водитель и сопровождающие предъявили удостоверения, прошедшие первичную проверку, номер машины совпадал с документами. Старший дневной смены приказал пока их не впускать. Переписал с факса адрес диагностического центра и позвонил по открытому номеру учреждения.

С первого раза никто не ответил. На второй звонок трубку поднял мужчина и сообщил, что диагностический центр закрылся. Оборудование сейчас вывозят, а в здании остались лишь сотрудники, проводящие инвентаризацию имущества. Старший сильнее сжал трубку и медленно посмотрел на номер записи. — У вас сегодня утром назначено обследование заключённой? Пациентка Верчили. На девять часов.

На другом конце зашуршали картонные коробки. Мужчина позвал коллегу, что-то уточнил и через мгновение вернулся к телефону. — Мы пациентов уже три месяца не принимаем. Система записи отключена. Вам, случайно, не дали старый адрес? Если кто-то требует отправить сюда машину, я бы не торопился. У нас в здании даже врача сейчас нет.

Старший положил трубку и ударил по тревожной кнопке под столом. Красные индикаторы один за другим вспыхнули вдоль коридора, все камеры перешли в режим блокировки. Сотрудники с тележками для завтрака остановились на месте. В комнаты отдыха и рабочим бригадам ушёл приказ не двигаться. Радиообмен с внешнего КПП внезапно превратился в хаос. Офицеры приказали водителю заглушить двигатель для повторной проверки. Тот начал возмущаться, утверждая, что больница уже звонит и дальнейшая задержка нарушит судебное

расписание. Спор продолжался меньше минуты. Сквозь голоса прорезался визг шин, затем грохот опускающегося металлического шлагбаума.

Фургон так и не прошёл первые ворота. Водитель резко сдал назад через внешнюю зону досмотра, снёс временное ограждение и вывернул на служебную дорогу. Сотрудники периметра успели лишь отметить направление и номер машины, после чего вызвали местную полицию для перехвата. Старший северного крыла опустил рацию и посмотрел в сторону камеры Аурлин. Она всё ещё стояла у двери. Транспортная одежда и цепь лежали там же, где их оставили.

Следователи вошли в крыло через несколько минут. Они изъяли факс, подняли журналы телефонных звонков и печати, а медчасти приказали немедленно подтвердить местонахождение каждого сотрудника. Санитар, возивший тележку с лекарствами, не отвечал. Его шкафчик оказался незаперт. Внутри лежали телефон, кошелек и настоящее рабочее удостоверение. На лестнице возле административного лифта охрана нашла тёмную куртку офицера со второй пропускной карточкой на груди. Фотография принадлежала сотруднику, который в тот момент находился в отпуске.

Административный корпус и медчасть закрыли. В старой зоне разгрузки проверяющая группа дошла до сектора L и обнаружила, что пломба, установленная накануне на девятую нижнюю дверь, уже разрезана. Металлическую плиту, перекрывавшую вход, сдвинули наружу почти на два фута. В проходе горели переносные рабочие лампы. Вдоль стены уходили электрические кабели. На полу стояли ящик с инструментами, два водонепроницаемых костюма и складная транспортная каталка. Ремни на матрасе уже были закреплены в районе талии и лодыжек.

Вооружённые офицеры вошли в подземный коридор. Стоячая вода покрывала подошвы их ботинок. Со старых дренажных труб сверху непрерывно капало, и каждый шаг разносился по тоннелю громче обычного. Возле наружной стены они нашли открытую техническую дверь. За ней в грязи виднелись следы шин, тянувшиеся к служебной дороге в том же направлении, куда утром ушёл фургон.

Санитара внутри не было. Возле стены нашли только брошенную серо-белую форму и использованный телефон без аккумулятора и карты памяти. Северное крыло оставалось заблокированным далеко за полдень. Завтрак Аурлин стоял на столе, кофе давно остыл, а за дверью время от времени торопливо проходили сотрудники.

В три часа адвокату разрешили экстренный звонок. Следователи всё ещё просматривали записи с камер, когда Аурлин привели в комнату для разговоров. Офицер закрепил её на неподвижном стуле, проверил линию и вышел, оставив стеклянную дверь слегка приоткрытой. Адвокат ответил, продолжая листать бумаги. Впервые он не начал с жалоб на тюрьму. — Ты вообще выходила сегодня из северного крыла?

— Нет.

— Слава богу, что ты посмотрела на подпись. — Он шумно выдохнул; на другом конце скрипнул отодвигаемый стул. — Я только что из суда. Они признают, что никакой перевозки на сегодня не санкционировали. В распоряжении использован настоящий номер дела. Электронная печать пришла из действующей учётной записи. А теперь каждый отдел клянётся, что не имеет к этому отношения.

Аурлин смотрела на стол и не перебивала. Он достал ещё одну распечатку; голос стал ровнее. — Я попросил техника проверить свойства файла. Самая ранняя версия была создана за день до того, как тебе сообщили об отсрочке. Подпись врача, адрес клиники и транспорт уже были внесены. Рано утром кто-то изменил только дату приёма и после твоей попытки самоубийства добавил формулировку о неврологической травме.

За стеклом офицер разговаривал со следователем и время от времени заглядывал внутрь. Аурлин чуть наклонилась ближе к телефону, так, чтобы через приоткрытую дверь было труднее слышать. — Изначальная дата.

— Через две недели. — Он назвал точное число и замолчал на секунду. — По плану ты всё ещё должна была сидеть в северном крыле и ждать пересмотра. Они с самого начала хотели использовать судебное обследование, чтобы вывезти тебя. Когда ты попала в медчасть, они просто ускорили сроки.

Аурлин провела пальцем вдоль телефонного шнура до самого разъёма. Адвокат не спрашивал, страшно ли ей, и не советовал довериться тюрьме. Он просто перечислил то, что уже сделал.

— Я подал ходатайство о заморозке любых внешних медицинских разрешений и потребовал, чтобы суд уведомил полицию штата. Копии документов теперь хранятся в нескольких местах, так что удалить запись из системы им не поможет. — Он оттолкнул в сторону стопку бумаг, и злость наконец прорвалась в голос. — Если там снова появится кто-то с экстренным распоряжением, пусть сначала звонят мне. С меня хватит идиотов, которые даже не проверяют, продолжает ли человек, подписавший документ, вообще работать по специальности.

Аурлин дождалась, пока он закончит. — L-9 была открыта. На другом конце снова скрипнул стул, затем тихо щёлкнул снятый колпачок ручки. Несколько секунд адвокат молчал. — Откуда ты знаешь?

— Офицеры говорили снаружи.

— Хорошо. Подниму старые планы здания. — Он сделал паузу и заговорил тише. — Что у тебя осталось с твоей стороны?

Аурлин подумала о металлической застёжке, всё ещё находившейся у Уэски. — Ничего. Он, вероятно, не поверил, но давить не стал. — Тогда и оставь всё как есть. Суд снова соберётся завтра утром. Позвоню, когда будут новые документы. И сегодня, если кто-то незнакомый придёт тебя куда-то вести, никуда с ним не иди. Даже одежду не меняй.

После звонка Аурлин отвели обратно в камеру. Транспортной формы и цепи у двери уже не было. Поднос с завтраком по-прежнему стоял на столе; край хлеба высох и затвердел. Она достала судебное уведомление и на обратной стороне четвёртой страницы записала дату, названную адвокатом. Первый транспортный документ был создан раньше запечатанного медицинского заключения. Изначальный выезд действительно стоял через две недели.

С дальнего конца коридора донёсся скрежет запускаемой сварки. Офицеры снова заваривали L-9, и запах горячего металла через вентиляцию дошёл до северного крыла. Аурлин вылила холодный кофе в раковину, села за стол и доела затвердевший кусок хлеба. Сварка не прекращалась до самого вечера.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Приказ

В девять утра чёрный седан остановился у бокового входа в отель. Водитель не глушил двигатель, а дворники каждые несколько секунд смахивали с лобового стекла мелкий дождь. На заднем сиденье кто-то смотрел на планшете запись с камер из комнаты отдыха Грейвенхёрста. Звука не было. Аурлин сидела возле окна. Уэски вернулся от кулера и выбрал свободный стул по диагонали напротив неё. За всё время разговора они сохраняли дистанцию, обменялись лишь несколькими фразами, а затем ушли с разными конвоями.

Запись запустили снова. На этот раз изображение остановилось на моменте, когда Уэски проходил мимо книжных полок. Метка времени в углу показывала: в контрольный коридор он вошёл на одиннадцать секунд позже своей группы. Телефон на сиденье загорелся. Имя звонящего было скрыто. После соединения голос на другом конце сообщил, что старый проход снова перекрыт, а транспортный фургон нашли брошенным возле границы штата. Пригодных отпечатков внутри не осталось.

Человек на заднем сиденье не спросил о пропавшем санитаре. На планшете по-прежнему стоял чёткий профиль Уэски. Палец медленно прошёл вдоль края экрана.

— Верчили пока не трогайте. — Дождь, стучавший по крыше машины, скрывал любые эмоции в голосе. — Займитесь Уэски.

Собеседник, похоже, что-то возразил. Пассажир выслушал, отложил планшет и посмотрел на гостей, проходивших через боковой вход в отель.

— Найдите того, кто по-настоящему его ненавидит. Деньги, сокращение срока, женщина — ничто не работает так хорошо, как старая ненависть. Когда всё закончится, никому не придёт в голову копать глубже.

Разговор быстро оборвался. Водитель взглянул в зеркало, ожидая дальнейших распоряжений. Их не последовало, и он остался на месте, наблюдая, как дождевые дорожки ползут по стеклу. На заднем сиденье загорелся второй телефон. На экране открылось дело заключённого. У мужчины на фотографии были впалые щёки и длинный старый шрам над правой бровью. Ниже значились две судимости за тяжкие нападения. Пассажир прочитал дело, затем переслал свежую фотографию Уэски из столовой. К ней прилагалось всего несколько строк. Имя Аурлин там не упоминалось, прямого приказа убить тоже не было.

После отправки экран погас. Седан ещё несколько минут стоял под дождём, затем отъехал от отеля и растворился в утреннем потоке. Днём Грейвенхёрст начал снимать блокировку. Старый погрузочный сектор по-прежнему оставался закрытым, в северном крыле дежурили дополнительные сотрудники, но в остальных зонах возобновились рабочие бригады и отдых. Заключённых держали взаперти слишком долго. Стоило им вернуться в общие помещения, как жалобы посыпались громче обычного; даже офицеры уже не пытались пресекать каждую.

После того как в медчасти сняли последние два шва с запястья Аурлин, ей разрешили тридцать минут отдыха. Медсестра наложила новую защитную повязку, напомнила в тот день не держать руку долго опущенной и передала её сотруднице, ожидавшей снаружи. В комнате отдыха уже находилось больше десятка человек. Уэски и Рурк сидели у стены за расставленной шахматной доской, но ни один ещё не сделал первый ход. Оба посмотрели на вход, когда появилась Аурлин. Она к ним не подошла. Взяла книгу с полки и вернулась на привычное место у окна.

Рурк склонился над фигурами. — У тебя всё ещё её штука, да? Нас сегодня утром опять обыскивали. Подошвы ботинок разобрали. В следующий раз, наверное, полезут в зубы. Уэски поднял шахматную фигуру и обнаружил на дне засохший кофе от прошлой партии. Вытер её о рукав и поставил ближе к центру доски.

— Куда ты, чёрт возьми, её спрятал? — Уэски даже не попытался ответить, и на лице Рурка постепенно появилось отвращение. — Забудь. Я не хочу знать. Если когда-нибудь офицер найдёт её в каком-нибудь мерзком месте, никому не говори, что я вообще видел эту вещь.

Уэски придвинул к нему доску, без слов предлагая ходить первым. Рурк продолжал тихо ворчать, но начал изучать позиции и тему застёжки оставил. После двух партий патрульный офицер выгнал нескольких заключённых из зоны тренажёров. В помещении на короткое время стало тесно. Рурк понёс доску к стойке учёта, чтобы заменить повреждённую фигуру. Уэски взял кружку и между несколькими столами направился к кулеру.

На обратном пути он прошёл мимо Аурлин и положил на угол её стола сложенное бумажное полотенце. Движение выглядело так, будто кто-то бросил мусор, даже не замедлив шаг. Аурлин продолжила читать. Когда потолочная камера повернулась к другой стороне комнаты, она опустила руку и втянула полотенце под раскрытые страницы.

Внутри была завернута застёжка L-9-C. Аурлин приподняла бумагу ровно настолько, чтобы увидеть металл, затем снова закрыла. Уэски уже вернулся на своё место и смотрел на доску, которую принёс Рурк. Сотрудница пошла в сторону окон. Аурлин держала полотенце под книгой, пока та не прошла, затем поднялась и понесла книгу к тележке возврата. Проходя мимо стола Уэски, положила книгу на пустой стул. Бумажное полотенце осталось между страницами, прижатое обложкой.

Уэски книгу не тронул. Когда Рурк вернулся от стойки и обнаружил свой стул занятым, ему пришлось поставить шахматную доску на угол стола.

— Она оставила тебе книгу. — Он посмотрел на обложку; в голосе уже звучала усталость. — В последнее время всё, что вы двое делаете, связано с книжными полками. Раньше я думал, тюремная библиотека существует главным образом для того, чтобы людям было где спать сидя.

Уэски взял книгу, и бумажное полотенце аккуратно скользнуло ему в ладонь. Аурлин уже шла вслед за сотрудницей к контрольной двери, не оглядываясь. Когда отдых закончился, Уэски снова спрятал застёжку. Утром поисковая группа уже разобрала его койку. Вряд ли в тот же день им придёт в голову проводить второй полный обыск.

На другом конце столовой у стены в углу один сидел мужчина. В Грейвенхёрсте он провёл три года, редко ввязывался в драки и никогда не стремился подходить к столу Уэски. Сегодня перед ним лежала фотография, вырванная из журнала. Бумагу несколько раз складывали, но лицо Уэски оставалось отчётливым.

На обороте было написано имя: Эван Саттер. Саттер смотрел на него, пока офицеры не начали собирать подносы. Затем разорвал фотографию на узкие полоски, бросил их в кружку с кофе, размочил остатками холодной воды и вывалил мокрую кашу в мусор. Старый шрам над правой бровью потемнел от напряжённо сведённого лба. Он коснулся его кончиком пальца, встал и присоединился к колонне, возвращавшейся к камерам.

Уэски шёл несколькими ярдами впереди. Саттер не сводил глаз с его затылка, пока контрольные ворота не развели их группы в разные стороны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Тот обед

На следующий день в полдень заключённым северного крыла разрешили вернуться в общую столовую. Ограничения на передвижение Аурлин ещё не сняли полностью, поэтому сопровождавшая сотрудница оставила её в конце колонны и ввела внутрь только после того, как остальные прошли досмотр. Большинство столов уже было занято. Под гул разговоров подносы гремели друг о друга, в воздухе смешивались запах переваренных овощей и дезинфицирующего средства.

Получив еду, Аурлин направилась к столу у боковой стены. Обычно туда никто не стремился. Люминесцентная лампа над ним время от времени мерцала, до линии раздачи было далеко, и место почти не привлекало внимания. Несколько заключённых заметили повязку на её запястье. Их взгляды задержались на секунду и ушли. Один мужчина молча забрал стакан с места напротив неё и освободил стул, ничего не сказав.

Уэски и Рурк сидели через три стола. Оба только что вернулись с работы; на рукавах ещё оставались белые следы стирального порошка. Рурк ткнул вилкой серый кусок мяса.

— Я почти уверен, что в прошлом месяце эта штука ещё ходила. — Он перевернул кусок, понюхал и окончательно потерял остатки аппетита. — Дай кухне ещё полчаса, и они смогут подавать подошвы, даже рецепт менять не придётся.

Уэски уже съел половину своего. Еду он не комментировал, лишь положил нетронутый хлеб со своего подноса рядом с тарелкой Рурка.

— Сам не будешь? — Рурк забрал хлеб и подтолкнул в его сторону свой кусок мяса. — Тогда доедай это. Дружба должна быть справедливой. Не могу же только я получать выгоду.

Уэски остановил мясо вилкой и отправил обратно. Спор продолжать не стал никто. Рурк разломил хлеб и наконец начал нормально есть. Саттер сидел позади них. Обычно он выбирал длинные столы возле кухни. Сегодня расположился в центре с тремя заключёнными из одного из старых блоков. Они тихо обсуждали рабочие назначения. Со стороны это ничем не отличалось от любого другого обеда.

Саттер съел всего несколько кусочков. Время от времени проводил пальцами по шраму над правой бровью, прослеживал его к виску и снова опускал руку под стол. Офицер, проходивший между рядами, приказал им держать руки на виду. Саттер сразу положил обе ладони на стол и даже поднял рукава выше, показывая пустые запястья.

Офицер ничего подозрительного не заметил и пошёл дальше. Металлическая полоска, спрятанная в рукаве Саттера, скользнула выше по предплечью и удерживалась у локтя сложенной тканью. Несколько дней он стачивал край о пол камеры. Остриё получилось узким и тонким. Если загнать его между рёбрами, можно было нанести смертельную рану, почти не оставив заметного следа снаружи.

В дальнем конце столовой с грохотом упал поднос. Молодой заключённый нёс суп и зацепился за ногу, которую кто-то вытянул из-под длинного стола. Вся еда вылилась на мужчину рядом. Обожжённый вскочил и сильно толкнул виновника. Стул опрокинулся назад и ударил другой стол. Сразу поднялось несколько голосов. Заключённые вокруг быстро освободили место. Офицеры бросились от входа, крича всем сесть и вызывая подкрепление. Уэски повернулся к драке. Рурк остался сидеть, засунул в рот последний кусок хлеба и спас кофе, прежде чем кто-нибудь успел его опрокинуть.

В суматохе Саттер поднялся. К Уэски сразу не пошёл. Взял поднос и обогнул стол, как любой заключённый, пытавшийся уйти от драки. Оказавшись у Уэски за спиной, опустил руку.

Металлическая полоска выскользнула от локтя в ладонь. Аурлин пила воду. Панель из нержавеющей стали вдоль боковой стены давала искажённое отражение центра столовой. Под верхним светом растянулась тень Саттера, рядом с его правой рукой коротко блеснул металл.

Аурлин опустила стакан. Её взгляд прошёл поверх плеча Уэски как раз в тот момент, когда рука Саттера поднялась к талии. Между ними оставалось два шага. Аурлин не закричала. Схватила металлический стакан со стола и бросила в пустой стул рядом с Уэски. Стакан с оглушительным звоном ударил по спинке. Уэски повернулся на шум, пока тот катился по полу. Саттер уже преодолел последний шаг. Металлическое остриё показалось в ладони и пошло в живот Уэски.

Уэски сместился в сторону. Остриё скользнуло по форме и прорезало ткань у талии, не достигнув кожи. Рурк бросил приборы и вскочил. Саттер не дал ему приблизиться. Врезался плечом Уэски в грудь, прикрывая оружие их телами, и снова ударил под рёбра. Уэски левой рукой перехватил его запястье, правой зажал локоть. Их общий вес обрушился на край стола. Подносы съехали вниз, суп и еда полетели по полу.

Лицо Саттера оказалось в нескольких дюймах от его лица. Старый шрам над правой бровью натянулся, ненависть в глазах уже не скрывалась. Уэски посмотрел на этот шрам так, будто узнавал лицо, наполовину стёртое из памяти.

— Саттер?

Как только прозвучало имя, Саттер рванулся вперёд. Металлическое остриё продавило тюремную форму и уже входило в ткань. Офицеров по-прежнему задерживала первая драка. Заключённые со всех сторон отходили дальше, а скрежет столов и стульев глушил большую часть криков. Аурлин покинула своё место и остановилась у боковой стены. К дерущимся она не двинулась. Её внимание оставалось на второй руке Саттера — той, что была спрятана за спиной. Она тянулась к поясу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Я тебя ненавижу

Уэски вдавил большой палец в кости запястья Саттера и отвлёл металлическое остриё от живота. Саттер всё ещё упирался плечом ему в грудь, обе ноги твёрдо стояли на скользком полу. Он не размахивал оружием наугад, как большинство заключённых во время драки. Каждый рывок был направлен в промежуток между рёбрами и животом. Было ясно: до того, как доберутся офицеры, он хочет оставить смертельную рану.

Под их весом стол перекосялся. Уэски ушёл с линии удара и ударил запястьем Саттера о край. Металл резко звякнул о металл, но оружие осталось в руке. Рурк обошёл опрокинутый стул, пытаясь приблизиться. Крупный заключённый шагнул в сторону и столкнулся с ним, полностью перекрыв проход. Всё выглядело так, будто мужчина лишь отходит от драки впереди, однако плечо продолжало давить в Рурка и не позволяло ему пройти к Уэски.

— Отойди. Рурк толкнул его один раз и обнаружил, что тот стоит намертво. Лицо Рурка стало жёстким. — Ещё раз меня перекроешь — решу, что ты с ним.

Мужчина ничего не ответил. Лишь опустил центр тяжести. Рурк попытался пройти слева — тот сместился вместе с ним, держа предплечья перед грудью. Уэски выкрутил локоть Саттера наружу. Когда сустав ушёл дальше естественного угла, пальцы на металле начали разжиматься. Уэски ударил коленом по бедру, лишая его опоры, необходимой для нового рывка.

Свободная рука Саттера вышла из-за пояса. Второго оружия там не было — лишь небольшая горсть порошкового чистящего средства. Он швырнул её прямо в лицо Уэски. Жгучая боль ударила в правый глаз раньше, чем тот успел полностью отвернуться. Уэски зажмурился и резко отвлёл голову. Давление на запястье Саттера ослабло ровно настолько, сколько ему требовалось. Тот вырвал руку, и металлическое остриё прошлось по предплечью Уэски, оставляя разрез, мгновенно наполнившийся кровью. Капли потекли с локтя на пол.

Саттер даже не посмотрел на рану. Сильнее сжал металл и снова бросился вперёд. Видя нормально только левым глазом, Уэски поднял предплечье для защиты. Остриё царапнуло вдоль кости и распороло рукав. Они вместе врезались спиной в длинный стол. Заключённые на дальнем конце разбежались, целый ряд подносов обрушился на пол. Суп плеснул на брюки Саттера. Он словно не почувствовал.

— Ты даже меня не помнишь. — Он тяжело дышал, слова выходили сквозь стиснутые зубы. — Конечно, не помнишь. После того как ты выбрался, те, кого закрыли из-за тебя, стоили меньше твоей свободы.

Уэски ничего не сказал. Кровоточащей правой рукой прижал плечо Саттера, левой схватил за ворот и потащил к раме перевёрнутого стола. Спина Саттера ударилась о металлическую опору. На лице на мгновение появилась боль, но он успел резко ударить лбом в переносицу Уэски и заставил его отступить на полшага.

Этого хватило, чтобы снова поднять оружие. Аурлин увидела, как Саттер поворачивает запястье и направляет остриё мимо защиты Уэски. Она наклонилась, подняла с пола поднос и пошла к заключённому, блокировавшему Рурка. Всё его внимание было на мужчине перед ним. Когда он заметил движение сбоку, Аурлин уже ударила краем подноса по внешней стороне его колена.

Сустав резко подломился. Мужчина согнулся с криком. Рурк воспользовался проходом, сцепил обе руки у него за шей и вбил в ближайший стол. Аурлин не задержалась. Бросила погнувшийся поднос и ушла с пути двух офицеров, бежавших сзади. Когда Рурк добрался

до Уэски, Саттер уже продавливал металл к его груди. Левая рука Уэски держала предплечье нападавшего, но из правой теперь текла кровь, и вложить в захват полную силу он не мог.

Рурк схватил Саттера за плечо и попытался оторвать. Саттер резко ударил локтем ему в лицо. Кость пришлась в скулу. В глазах Рурка на мгновение почернело, но хватку он не отпустил.

— Какого хрена с тобой не так? — Он тянул Саттера назад, скользя ботинками по разлитому супу. — Есть старая обида — врежь ему по морде, как все нормальные люди. Когда ты лезешь кому-то в живот этой дрянью, ты сам хочешь сдохнуть здесь.

Эти слова разбили последние остатки самообладания Саттера. Он оттолкнул Рурка ногой и снова рванул к Уэски. Старый шрам над правой бровью во время драки раскрылся. Кровь стекала в глаз. Он не вытирал её.

— Я тебя ненавижу! — Голос сорвался до хрипоты. — Я, мать твою, ненавижу тебя! Западные ворота открылись, и ты чисто вышел. За тебя избили всех, кто остался. Эван выдержал четыре дня в изоляции, а ты даже не знал, что он умер!

Рука Уэски, уже готовая сломать ему запястье, замерла на долю секунды. Эван. Имя резко вытянуло на поверхность похороненное воспоминание: молодой парень, который всегда закатывал рукава до локтей; однажды во дворе он спросил, почему освещение у западных ворот каждую ночь в одно и то же время гаснет. В ночь побега он тайком пошёл следом за Уэски в технический проход.

Уэски не просил его идти. Замок западных ворот открылся меньше чем на минуту. Уэски успел пройти. Позади сработала тревога, затем началась стрельба. Он не повернул назад. Повернуть уже было невозможно. Саттер увидел узнавание на его лице. Облегчения это не принесло. — Теперь вспомнил? Тогда, может, помнишь, как он тебя умолял. Он думал, ты вернёшься и откроешь вторую дверь. Ты оставил его там ждать.

С последними словами остриё пошло вниз. Уэски сместился. Металл вошёл во внешнюю часть плеча вместо груди и отбросил его назад к краю стола. Офицеры наконец прорвались через толпу. Первый поднял электрошокер, но не мог выстрелить, пока три тела были сцеплены вместе. Он заорал, чтобы все легли на пол.

Саттер словно не слышал. Выдернул металл и попытался ударить снова. Уэски поймал вооружённую руку и вдавил большой палец в уже повреждённое запястье. На этот раз сустав сдался. Оружие упало на пол. Уэски потянул руку вниз и одновременно врезался плечом Саттеру в грудь. Тот перелетел через край стола и рухнул спиной, удар выбил из него воздух.

Уэски больше не бил. Прижал коленом верхнюю часть руки Саттера и ногой отшвырнул металлическое остриё туда, где его хорошо видели офицеры. Рурк едва успел отпустить мужчину, перекрывавшего ему дорогу, когда внутрь ворвалось ещё несколько сотрудников. Разряд электрошокера ударил заключённого в спину. Всё тело свело, затем он рухнул лицом в разлитую еду.

Столовую заполнили офицеры, приказывая всем заключённым лечь на пол. Уэски стащили с Саттера. Раненую руку завели за спину, и кровь из плеча сразу пошла сильнее. Уэски поморщился, но не сопротивлялся. Убедившись, что металлическое оружие вне досягаемости, его поставили к стене и прижали к ране временную повязку.

Аурлин уже стояла на коленях, как было приказано. Когда сотрудница завела её запястье за спину, место, где только что сняли швы, резко согнулось. Сквозь защитную повязку почти сразу проступила краснота. Аурлин не издала ни звука. Лишь перенесла вес вперёд, чтобы сотрудница перестала давить прямо на рану. В хаосе никто не заметил её руку. Все свободные медики занимались плечом Уэски и Саттером на полу.

Уэски опирался о стену, пока медсестра промывала от чистящего порошка правый глаз. Сквозь слёзы от раздражения он посмотрел мимо её плеча и увидел пятно крови, медленно расплывавшееся по манжете Аурлин.

— Ей только сняли швы с запястья. — Он отвернул рот от жидкости, стекавшей по губам; слова прозвучали слегка смазанно. — Сначала займитесь её рукой. Рана снова открылась.

Медсестра проследила за взглядом и сразу вызвала ещё один набор. Сотрудница, удерживавшая Аурлин, ослабила хватку и позволила вернуть руку вперёд. Аурлин подняла запястье. Кровь стекала по ладони и собиралась на кончиках пальцев. Когда медсестра опустилась рядом, чтобы снять пропитавшуюся повязку, Аурлин один раз посмотрела на Уэски. Он уже отвернулся и позволял другому медику разрезать ткань вокруг плеча. Назад не посмотрел и никакой реакции не ждал.

Несколько офицеров по-прежнему прижимали Саттера к полу. Кровь из брови покрывала половину лица. Он продолжал дёргаться и повторять имя Эвана. Сотрудники безопасности требовали сказать, кто дал ему оружие. Саттер поднял голову и нашёл взглядом Уэски. После долгого взгляда снова опустил щеку на пол.

— Я сделал его сам. — Он тяжело дышал. Ненависть в глазах не исчезла. — Я долго ждал этого дня.

В четыре часа дня обрезанный фрагмент записи из столовой отправили на зашифрованное устройство за пределами Грейвенхёрста. Запись начиналась с момента, когда Аурлин бросила металлический стакан, и останавливалась на кадре, где она ударила подносом по колену второго заключённого. Рядом с устройством стоял недопитый кофе, давно остывший. Тот, кто смотрел запись, проигнорировал показания Саттера после задержания. Палец задержался на изображении Аурлин, повернувшейся к Уэски, затем уже набранное следующее распоряжение было удалено. В новом осталось всего два слова. Оба они.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Не та дверь

После того как Саттера поместили в изоляцию, Грейвенхёрст ещё три недели не снимал два дополнительных поста перед столовой. Само нападение дальше почти не расследовали. В отчёте всё свели к старой обиде, самодельному оружию и нападению приотягчающих обстоятельствах. Тюремне нужен был вывод, который можно быстро закрыть, а Саттер с самого начала и до конца утверждал, что никто ему ничего не приказывал. Дело исчезло в стопке, ожидавшей архива.

Швы с запястья Аурлин уже сняли, хотя на коже оставалась свежая красная линия. Медчасть пока рекомендовала ей избегать самых загруженных часов душа. Каждый раз сотрудница сопровождала её одну в небольшую душевую за медицинским блоком. Аурлин ни разу не пожаловалась. Когда дверь отпирала, она заходила внутрь и складывала чистую одежду на скамью.

Помещение было чище душевых в северном крыле, хотя в одном углу, куда не доставала ни одна щётка, всё ещё темнела серая плесень. Горячая вода шла не сразу. Первые струи пахли металлом и ржавчиной из труб, затем постепенно теплели. Аурлин встала под воду и убрала волосы назад. Вода прошла сквозь густые чёрные пряди и потекла по спине к полу.

Перед днём общих мероприятий временно открыли несколько рабочих маршрутов, которые обычно держали раздельными. Прачечные были забиты формой, полотенцами, спортивными майками и кухонным бельём. Рабочих для развоза чистых вещей не хватало, поэтому Уэски выдали тележку с заржавевшим колесом и велели отвезти два мешка полотенца в медчасть.

Плечо ещё не зажило полностью. На каждом повороте тележку тянуло вправо, неисправная ось визжала весь путь по коридору. Сопровождавший его офицер думал о складных стульях, которых всё ещё не хватало в центральном зале. Дойдя до задней части медблока, он картой открыл боковую дверь и кивнул внутрь. — Полотенца на стойку. Быстро. Нам ещё ска-терти с кухни забирать. Уэски посмотрел на красный индикатор «ЗАНЯТО» рядом с дверью. — Там кто-то есть.

— Сотрудница отвела её на осмотр. — Офицер даже не поднял головы. — Оставь полотенца и пошли.

Замок уже отпустил. Уэски толкнул тележку внутрь. Переднее колесо подпрыгнуло на пороге, и из глубины помещения отчётливо донёлся шум воды. Его руки замерли на перекладине. Офицер наконец тоже услышал, но лишь нахмурился, глядя на полуприкрытую внутреннюю дверь. В этот момент Аурлин выключила душ.

Пар выкатился в щель. Она убрала мокрые волосы с лица и босиком шагнула к скамье за полотенцем. Перекошенный угол тележки задел внутреннюю дверь и распахнул её ещё на несколько дюймов. Аурлин мгновенно повернулась. Правая рука уже сомкнулась вокруг металлической мыльницы на раковине.

Уэски увидел её всего на долю секунды. Тюремная форма обычно скрывала почти все следы на её теле. Без неё она выглядела стройнее, чем он представлял: высокая, с длинной линией плеч и спины, узкой талией и плотной мускулатурой человека, тренировавшегося много лет. Под правыми рёбрами проходил бледный шрам. На спине было ещё несколько, разного оттенка; один по диагонали уходил от лопатки вниз, его края давно смягчило время.

Когда она повернулась, мокрые волосы сдвинулись и открыли маленькую татуировку кошки на левой стороне поясицы. Она едва занимала половину его ладони: чёрные линии,

круглые уши, завёрнутый хвост. Чернила выцвели от времени. Среди следов ножевых и огнестрельных ран эта кошка выглядела странно тихой — и неожиданно милой.

Уэски замер на полудыхе, затем сразу отвёл глаза и одной рукой захлопнул внутреннюю дверь. Сдёрнул с верхней части тележки два полотенца и, по-прежнему стоя спиной к душевой, положил их на стойку у двери.

— Извини. Я думал, здесь никого нет.

Ответа из душевой не последовало. Аурлин всё ещё держала мыльницу и смотрела на дверь, пока тень снаружи не отошла. Только тогда положила металл обратно на раковину. Обернулась полотенцем. Вытирая левый бок, провела пальцами по маленькой кошке и задержалась там едва на мгновение.

Когда Уэски вышел в коридор, лицо у него было мрачным. Он толкнул тележку к стене так резко, что ржавое колесо ударилось о защитный борт.

— Там кто-то был. Ты вообще, мать твою, на индикатор не смотришь?

Офицер проследил за его взглядом до красной лампы и слегка побледнел. — Я думал, она уже вышла.

— Ты не посмотрел. И не спросил.

— Сбавь голос, Хейз.

Уэски один раз взглянул на закрытую дверь и снова взялся за тележку. Спор продолжать не стал, хотя сухожилия на тыльной стороне ладони натянулись. Офицер открыл рот, явно подыскивая оправдание, затем передумал и поднял рацию, чтобы вызвать сотрудницу, закреплённую за медчастью.

Когда Аурлин вышла уже одетой, её ждала другая женщина. Сотрудница проверила запястье и спросила, не случилось ли чего. Аурлин собрала влажные волосы за плечами и посмотрела мимо неё в пустой коридор.

— Нет.

Это было единственное, что она сказала после душа. Днём они встретились в ограждённом проходе к двору. Уэски шёл в одной конвойной колонне, Аурлин приближалась по другой стороне. Их разделяла сетка, достаточно высокая, чтобы были видны только плечи и лица. Его взгляд остановился на её лице и ниже не опустился. Даже обычной полущутки, которая часто будто уже ждала у него в уголке рта, не появилось.

Аурлин тоже не замедлилась. Волосы уже высохли и были аккуратно собраны на затылке. Их плечи разошлись по разные стороны сетки. Никто не упомянул дверь за медчастью, которая не должна была открыться. Тем вечером центральная система объявила, что в субботу пройдёт внутренний день мероприятий. Начальник тюрьмы назвал это обычной мерой для снижения напряжения после затяжной блокировки. Участников будут проверять по уровню риска, а любую площадку, где начнётся драка, закроют немедленно.

Не прошло и пяти минут после объявления, как Рурк уже наклонился над стойкой регистрации и вписывал номер Уэски в шахматную группу. Уэски выдернул карандаш из его руки. — Кто разрешил тебе записывать меня?

— Плечо ещё не зажило, значит баскетбол отпадает. Про штангу забудь. Что ты будешь делать, сидеть и смотреть, как все едят пудинг? — Рурк отобрал карандаш и дописал последний штрих. — Шахматы тебе подходят. Если телом сбежать нельзя, пусть хотя бы мозг куда-нибудь уйдёт.

Уэски не ответил привычным образом. Несколько секунд смотрел на список, и совершенно без причины в голове всплыл образ: маленькая кошка с завёрнутым хвостом в клубах пара. Он нахмурился. Рурк помахал ладонью перед его лицом. — Что с тобой сегодня? Отбеливатель в прачечной наконец добрался до мозга?

— Заткнись.

Уэски засунул карандаш обратно в нагрудный карман Рурка и ушёл от стойки. Рурк сделал за ним два растерянных шага, объяснения не получил и вернулся проверить, записано ли его собственное имя. У другой регистрационной стойки сотрудница спрашивала Аурлин, хочет ли она участвовать. Мячи, карты и кино её не заинтересовали. Взгляд прошёл по вызывающе яркому листу мероприятий и остановился на времени свободного доступа в библиотеку. Аурлин взяла ручку и поставила короткую отметку рядом со своим номером.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

День досуга

В субботу центральный зал мероприятий открылся на два часа раньше обычного. Баскетбольные кольца сдвинули к дальнему краю. Жёлтая лента делила пол на отдельные секции; вдоль стен стояли карточные столы и шахматные доски. Офицеры дважды проверили пространство под каждым столом, даже приподнимали войлочные накладки под досками, чтобы убедиться, что там ничего не спрятано. Затем пластиковые фигуры запечатали в прозрачные коробки и пересчитали по одной.

Блоки заходили отдельными группами, между ними оставляли два ряда стационарных ограждений. Как единственную женщину в пилотной программе, Аурлин ввели в секцию настольных игр две сотрудницы. Несколько узких ворот, разрешённых для её передвижения, открывали только в момент, когда она проходила. У каждого стола стоял офицер, все места заранее получили номера.

Грейвенхёрст редко собирал столько заключённых в одном помещении. Пахло дезинфицирующим средством, потом и хлебом, который пёкся на кухне. Голоса отражались от высоких стен со всех сторон, и зал казался ещё теснее, чем был на самом деле. Рурк начал искать еду сразу после входа. Обошёл два карточных стола, увидел в кухонном окне карамельный пудинг и мгновенно сменил направление.

Уэски поймал его за ворот сзади и потащил к шахматной секции. — Сначала отмерься. Опоздаешь — ещё и пудинг конфискуют.

— Это я тебя записал. С каких пор ты указываешь, куда мне идти?

— Поэтому и жалею, что не записал тебя на вязание.

Рурк выругался, но всё-таки приложил палец рядом со своим именем. Сотрудник выдал каждому карточку с номером. Уэски достался третий стол. Рурка отправили к шестому, возле ограждения. Между ними оказалось три ряда стульев, но даже после посадки Рурк продолжал вытягивать шею, прикидывая расстояние от своего места до кухонной стойки.

Первым соперником Уэски стал пожилой мужчина, больше десяти лет подделывавший налоговые документы. Ходил он мучительно медленно, по несколько раз растирал пальцами основание каждой фигуры, прежде чем поставить на клетку, и всю партию рассказывал о любительских турнирах многолетней давности. Уэски терпел десять минут. Где-то на истории о третьей жене забрал его ферзя. Старик долго смотрел на доску, затем поднял глаза. — Не мог подождать, пока я закончу?

— Я ждал. Ты уже от свадьбы дошёл до развода. По-моему, история закончена.

Мужчина выглядел так, словно готов швырнуть в него королём. Офицер рядом постучал по столу и напомнил, что фигур ровно тридцать две, и если исчезнет хотя бы одна, всю секцию обыщут. Старик нехотя поставил короля, затем опрокинул его в знак поражения и ушёл, бормоча, что такой ублюдок, как Уэски, заслуживает провести остаток жизни без единого желающего играть с ним.

Перед вторым туром обнаружилось, что одного участника нет. Заключённый, назначенный к третьему столу, утром подрался и потерял место. Если из библиотечной секции не найдётся замена, Уэски автоматически пройдёт дальше. Сотрудник подошёл со списком к ограждению и попросил добровольца. Двое покачали головой. Третий вообще не знал, как ходят фигуры.

Аурлин стояла у открытых полок с потрёпанной книгой по криминальной психологии. После третьего запроса сотрудника закрыла её, поставила на место и под конвоем подошла к

узким воротам. Она не стала объяснять, умеет ли играть. Просто протянула карточку с номером.

Сотрудник сверился и заметно напрягся. Поднял голову к приподнятому посту наблюдения, ожидая подтверждения. Только получив разрешение, открыл ограждение и пропустил её в секцию настольных игр. Разговоры поблизости стали тише, когда несколько заключённых увидели, что Аурлин садится напротив Уэски за третий стол.

Одна рука Уэски лежала на спинке стула. Когда Аурлин выдвинула свой, он невольно выпрямился. Взгляд задержался на её лице, и без предупреждения вернулось вчерашнее утро — обрывками: пар, бледный шрам под рёбрами, мокрые волосы на худом плече, маленькая чёрная кошка на левой стороне поясницы.

Его раздражало, насколько чётко всё запомнилось. Аурлин мельком посмотрела на него и выровняла доску. Уэски заставил себя опустить глаза. — Играешь? Она взяла белую пешку и двинула на две клетки вперёд.

Часы пошли. Уэски несколько секунд рассматривал первый ход, затем потянулся к своей фигуре. Аурлин не торопила. Отпустив фигуру, положила ладонь у края стола. Никакого возбуждения из-за возможности участвовать на лице не было. Её игра походила на неё саму: ни одного лишнего движения.

Первые ходы выглядели обычными. Когда доска раскрылась, Уэски понял, что она незаметно сокращает доступное ему пространство. Она не забирала каждую фигуру, которую он оставлял под ударом. Несколько раз игнорировала немедленную выгоду и вместо этого стягивала позицию вокруг него, постепенно вытесняя вправо. На двенадцатом ходу Уэски конём прорвал её линию. Аурлин изучала доску меньше пяти секунд, перевела слона, закрыла брешь и по пути забрала оставленную им пешку.

Его рука зависла над доской. Впервые в выражении появилось настоящее любопытство. — Раньше много играла? Аурлин не ответила. Глаза остались на доске, ожидая следующего хода. Уэски больше не спрашивал. Он ходил левой рукой, стараясь почти не двигать травмированным правым плечом. Доска стояла чуть дальше, чем было удобно, приходилось наклоняться вперёд. Через несколько ходов глубоко в заживающем плече появилась стянутость. Один из выпадов рукой вышел на долю секунды медленнее предыдущего.

Аурлин заметила. Когда пришёл её ход, рука остановилась над клетками. Вместо фигуры она взялась за края доски и вместе с часами подвинула всё на несколько дюймов ближе к нему. Фигуры слегка качнулись, ни одна не упала. Уэски поднял взгляд. Аурлин уже отпустила доску и изучала следующий вариант, будто просто исправила неудобное положение предмета на столе.

Он не поблагодарил. Положил левую руку рядом с фигурами, до которых теперь было проще дотянуться. Через несколько минут намеренно оставил ладью слева и пригласил её глубже в позицию. Аурлин увидела линию и всё равно забрала ладью, затем ферзём закрыла клетку, с которой он собирался атаковать. Его ловушка захлопнулась вокруг собственного коня.

Уэски посмотрел на пойманную фигуру. Один уголок рта дрогнул. Вокруг третьего стола постепенно собрались люди. Офицеры не позволяли переступить жёлтую линию, поэтому зрители вытягивали шеи издалека. Партия Рурка давно закончилась. Он проиграл, всё равно забрал пудинг и теперь стоял за толпой, ел и пытался разглядеть доску.

— Уэски, сколько фигур она у тебя уже съела? — крикнул он с полным ртом, так что слова едва можно было разобрать.

Уэски не повернулся. — Продолжишь говорить — заставлю съесть ещё и стаканчик.

— Я за тебя переживаю. По-моему, она скоро вообще вытолкнет тебя с доски.

Аурлин провела пешку за центральную линию. До превращения оставалось две клетки. Уэски снял её, но при этом ослабил защиту короля. Долго сидел молча, заново просчитывая

оставшиеся варианты. Свистки, удары баскетбольных мячей и постоянный шум зала постепенно исчезли из его внимания. В дальнем конце закончилась игра; победители били ладонями по ограждению и кричали. Сотрудники вкатили две тележки с едой, запах поджаренного хлеба стал сильнее. В карточной секции кто-то обвинил другого в жульничестве, и туда сразу двинулись несколько офицеров.

Третий стол ничего из этого не касался. Посреди общего шума они сидели друг напротив друга и время от времени двигали фигуры. Пластиковые основания касались доски мягкими сухими щелчками. Партия шла больше сорока минут. Аурлин обменяла ферзя на одну из ладей Уэски. Он потерял обоих слонов. После каждого размена фигур становилось меньше. Новый шрам на запястье Аурлин покраснел от постоянных движений. Когда она взяла коня, большой палец задержался на его вершине чуть дольше обычного.

Уэски увидел. Остановить её не просил. Поставил часы на паузу и попросил у офицера третьего стола два стакана воды. Сотрудник проверил бумажные стаканчики и поставил перед ними. Уэски взял один, второй подвинул к правой руке Аурлин. Она выпила половину. Только когда поставила стакан и снова вернула пальцы к доске, Уэски запустил часы.

О случившемся в душевой никто не упомянул. Уэски больше ни разу не посмотрел в сторону её талии. И всё же кошка прочно сидела в памяти рядом с женщиной, которая сейчас перекрывала ему один путь за другим, и эти два образа никак не желали складываться вместе. Через девять ходов Аурлин перевела последнюю ладью через центр.

Уэски увидел оставленную ему линию. Пальцы легли на короля, но не двинулись. Она закрыла две последние клетки. Ещё один ход — и всё закончится. Динамики над головой зашипели, объявляя, что обед подадут через десять минут. Зал сразу стал громче. Зрители начали торопить Уэски. Рурк даже поднял над головой пустой стаканчик из-под пудинга и театрально указал на короля, которому предстояло пасть. Уэски проигнорировал всех. Поставил коня перед королём. Аурлин протянула руку через доску и забрала его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мат

Когда конь Уэски исчез с доски, вместе с ним исчезла последняя линия защиты. Аурлин сдвинула ладью на две клетки в сторону, отпустила фигуру и остановила часы. Сотрудник, ведущий счёт, наклонился и проверил позицию. — Мат. Третий стол, победа Верчили. Наблюдавшие отреагировали свистом, смехом и удивлёнными возгласами. Рурк протиснулся к жёлтой линии, всё ещё держа пустой стаканчик из-под пудинга. Улыбка на лице была совершенно бесстыжей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.